

В. ВОЙНОВИЧ

ИВАНЬКУДА

ИЛИ

РАССКАЗ О ВСЕЛЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ВОЙНОВИЧА

В НОВУЮ КВАРТИРУ

ИВАНЬКИАДА

или

РАССКАЗ О ВСЕЛЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ВОЙНОВИЧА

В НОВУЮ КВАРТИРУ

*Посвящается Сергею Сергеевичу Иванько и его товарищам,
безвозмездно предоставившим в распоряжение автора богатейший
фактический материал и пищу для размышлений.*

ардис

В. Войнович

Иванькиада

Copyright © 1976 by Vladimir Voinovich

Published by Ardis, 2901 Heatherway, Ann Arbor, Michigan

Manufactured in the United States of America

First printing, March 1976

ИВАНЬКИАДА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед тем, как случиться всей этой истории, я спокойно писал своего *Чонкина*, намереваясь закончить его (как всегда на протяжении вот уже лет двенадцати) ”в этом году”. Только что я кое-как выбрался из очередной опалы и по некоторым признакам догадывался, что скоро попаду в следующую, будет новая нервотрепка, полное отсутствие денег, и сейчас, пока после раздачи долгов, еще немного осталось от двух чудом вышедших одновременно книг, надо писать *Чонкина* как можно быстрее, не отвлекаясь ни на что постороннее, но постороннее влезло, меня не спротив, и все-таки отвлекло. Неожиданно для себя я был вовлечен в долгую и нелепую борьбу за расширение своей жилплощади. Откровенно говоря, мне это не свойственно. От борьбы за личное благополучие я по возможности уклоняюсь. Ненавижу ходить к начальству и добиваться чего-то. По своему характеру я непритязателен и довольствуюсь малым. Я не гурман, не модник, не проявляю никакого интереса к предметам роскоши. Простая пища, скромная одежда и крыша над головой — вот все, что мне нужно по части благополучия. Правда, под крышей мне всегда хотелось иметь отдельную комнату для себя лично, но вряд ли такое желание можно считать чрезмерным.

Так вот вопреки своему характеру я вдруг вступил в отчаянную борьбу. На несколько месяцев *Чонкин* был забыт совершенно. Несколько месяцев я только тем и занимался, что писал письма и заявления, ходил по начальству, звонил по телефону, собирал сторонников, хитрил, злился, выходил из себя, съел несколько пачек седуксена и валидола, и только благодаря все-таки еще неплохому здоровью вышел из борьбы без инфаркта. Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. Я уже не боролся, я собирал материал для данного сочинения, а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет

и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаешь за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые, происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а и изнутри не всегда понятны.

Ну, например, почему не печатают *Архипелаг ГУЛаг* понять еще можно. Для этого надо изменить всю внутреннюю политику. Но для издания, например, *Доктора Живаго* менять ничего не нужно. Нужно просто издать тиражом соответствующим спросу, получить достойную прибыль и избавиться навсегда от вопросов: "Почему у вас не печатают этот роман?" Почему художнику, пусть хоть самому раз-абстракционисту не разрешить выставить свою картину на каком-нибудь пустыре? Разве мощь нашего государства пошатнется хоть на миллиметр? Вам кажется – нет? Мне тоже. Так для чего ж давить эту картину бульдозером? Некультурно и денег стоит. Сложите амортизацию бульдозера, двойную ставку (за выходной день) бульдозеристу, да и солярка во всем мире подорожала.¹

Я намеренно не касаюсь нравственной стороны вопросов. Я говорю только о целесообразности. Я спрашиваю: отчего наше сверхгосударство так часто действует против себя без всякого видимого смысла?

Западные советологи да и наши некоторые мыслители объясняют все догматическим следованием марксизму. Сидит вроде в своем служебном кресле этакий правоверный догматик и ортодокс, и, вцепившись одной рукой в бороду Маркса, другой листает *Капитал*, сверяя по нему каждый свой шаг. Так ли это?

Насчет Маркса ничего определенного сказать не могу, я его не читал. Но живя в этой стране вот уже пятый десяток, присматриваясь к нашей жизни, что-то я потерял из виду этого ортодокса. Видать, тихо скончался и похоронен без почестей. Но из розового миража возникает передо мной не догматик, не ортодокс, а деятель нового типа, которого я и спешу вам представить, любезный читатель.

¹Теперь, как известно, положение изменилось к лучшему. С разрешения властей состоялось несколько выставок так называемых неофициальных художников. И хотя некоторые произведения (например, пальто художника Одноралова) показались неподготовленному зрителю, может быть, несколько необычными, держава наша перенесла этот удар и по-прежнему крепко стоит на ногах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Коммунист Иванько

Для изучения жизни не надо ездить в творческие командировки и напрасно расходовать казенные деньги. Изучайте жизнь там, где живете, это гораздо продуктивнее и дешевле. Загляните хотя бы в наш двор. Посмотрите, какие люди, какие типы, какие судьбы! Наверное на КА-МАЗе или на БАМе тоже встречаются интересные люди, но не в такой пропорции.

Дом наш не то, чтобы какой-то особенный, но и нельзя сказать, что обычный. Проживают здесь инженеры человеческих душ, члены жилищно-строительного кооператива "Московский писатель". Есть на свете немало людей, которые в жизни не видели не одного живого писателя. А у нас их больше сотни. Известные, малоизвестные и неизвестные вовсе. Богатые, бедные, талантливые, самобытные, бездарные, левые, правые, средние и никакие. Знают друг друга десятки лет. В прежние времена ели друг друга, теперь мирно живут под одной крышей и те, кто ел, и те, кого ели, но не доели.

Вон видите, подпрыгивающей походкой торопится по двору старичок, жалкий, немощный, тонкий, как одуванчик. С одуванчика, правда, весь пух уже сдуло — маленькая голова качается на тонкой шейке-стебельке. Жалко вам старичка? А ведь говорят, был он некогда генеральным прокурором Украины, носил четыре ромба в петлицах. Не каждый, кому пришлось встретиться с одуванчиком в то славное время, дожил до столь почтенного возраста, чтоб его было жалко. А тот, который сейчас поддерживает одуванчика под локоток, носил шпалы, но не в петлицах, а на плечах, там, куда одуванчик, тогда еще не обдутый, его в свое время направил.

Что и говорить, разные люди живут в нашем доме, люди с самыми причудливыми биографиями. Потомки аристократических фамилий, бывшие большевики, меньшевики, чекисты, троцкисты, уклонисты, лауреаты Сталинских премий, космополиты, ортодоксы, ревизионисты, секретари Союза писателей, — кого только нет.

Еще недавно с гитарой в чехле ходил из подъезда в подъезд Галич. "Ну что говорят о моем романе?" — спрашивал каждого встречного Бек.

Иных уж нет, а те далече.

Аркадий Васильев, чекист, писатель, обвинитель Синявского и Даниеля, тоже жил в нашем доме. Теперь не живет. Теперь он лежит на Ново-Девичьем кладбище между Кочетовым и Твардовским, неподалеку от Хрущева.

Все смешалось.

Но еще не все померли и не все уехали. Есть и сейчас в нашем доме интересные люди. Потолкавшись в нашем дворе, самого Симонова вы можете встретить.

А вот еще персонаж: бежит по двору тетенька не первой молодости, курит длинную папиросу, браврирует произнесением нецензурных словечек и несет в авоське... — ни за что не догадаетесь... произнести страшно... дух захватывает... *Архипелаг ГУЛag*. И всем наперебой предлагает, совсем не скрываясь, прочесть. Батюшки, что же это в нашем дворе творится, если таскают открыто подрывную литературу? Да где ж наш свисток? Не пора ли свистнуть кому надо? Не спешите, тетенька и сама вас сведет куда надо при случае, ибо именно там она книжечку и взяла. И вам она предлагает ее не за так, а за то, что вы, ознакомившись с отдельными абзацами насчет генерала Власова, напишете в газету отклик, разумеется не положительный.

Допустим вы отказываетесь. "Знаете, я с удовольствием бы, но вот как раз именно сейчас еду в Новосибирск..." — и начинаете рыться в карманах как бы в поисках билетов, которых вы не покупали. Ну, нет так нет, наша тетенька не обижается и бежит за другим товарищем, возможно у того поезд еще не подошел. А вот и за ней бежит человек, дайте ему почитать или хотя бы подписать отклик без чтения... он давно не печатался, ему хотя бы фамилию свою где-нибудь тиснуть, ан нет, не дорос еще, тут нужны писатели авторитетные, с именами.

Но если уж очень хочется публично выступить и заявить "вот он я", для этого нужно только дожидаться очеред-

ного собрания пайщиков. Там почти полная демократия. Хочешь высказаться, тяни повыше руку, заметят — дадут слово, не то что в Союзе писателей.

Собрания эти проходят, как правило, бурно. Кипят неупокоенные общественные страсти, скрешиваются копыя, возникают и распадаются враждующие между собой группировки.

На одном из таких собраний, а именно 27 января 1973 года я впервые услышал фамилию человека, которому впоследствии суждено было стать героем этих записок. Собрание это запомнилось мне прежде всего потому, что на нем решалось кому будет принадлежать освободившаяся двухкомнатная квартира. Претендентов было двое — автор этих строк и некий Павел Липатов, сын жены писателя Воробьева. Выступали болельщики с обеих сторон. Один из выступавших в мою пользу призвал собравшихся учесть ошибки прошлого и заботиться о писателях, пока они живы. Поскольку выступавший был человеком эмоциональным, он неожиданно для всех, а может быть, даже для самого себя сравнил происходящее с событием гораздо более крупного масштаба:

— Я помню, — сказал он, — казнь Пастернака... Наверное, казнь Пастернака здесь была не при чем. Собрание в основном было на моей стороне и потом, когда дошло до голосования, предоставило квартиру мне подавляющим большинством голосов. Я от квартиры отказался в пользу Липатова, который был первым по очереди, но попросил собрание подтвердить мое право на следующую двухкомнатную квартиру. Собрание мою просьбу поддержало единогласно, что и было записано в протоколе.

Я не упоминал бы этого небольшого события, если бы оно не имело значения для дальнейшего развития нашего сюжета.

А теперь вернемся к выступлению моего болельщика. Итак, он сказал:

— Я помню казнь Пастернака...

Договорить фразу до конца ему не дали. В заднем ряду поднялся хорошо упитанный человек средних лет в

белой водолазке со скучным лицом, которое трудно запомнить. Редкие волосы были зачесаны сбоку на бок и аккуратно распределены по темени, которого все-таки полностью не прикрывали.

— Я, как коммунист, — сказал он, ни на кого не глядя, — протестую против этих вот слов "казнь Пастернака".

Сказав это, человек сел на свое место и равнодушно отвернулся к окну. Похоже было, что его заявление сделано им было без всякого энтузиазма и не в порыве действительного негодования, а чтобы никто не мог упрекнуть его, что он был, слышал такие слова и смолчал.

Присутствовавшие на собрании удивленно повернули головы к этому человеку, произошла небольшая заминка, а дальше все продолжалось своим чередом.

После собрания я кого-то спросил, кто был тот бдительный коммунист. Мне сказали: какой-то не то Ива́нко, не то Ива́нко́, член правления нашего кооператива. Этим ответом я был вполне удовлетворен и о человеке из заднего ряда тут же забыл.

Я не знал, что не пройдет и месяца, как судьба столкнет меня с этим человеком и на протяжении долгого времени он будет занимать все мои мысли и разжигать мое любопытство.

Арон Купершток отбывает на историческую родину

Ура! Ура! Писатель Андрей Кленов, он же Арон Купершток получил разрешение на выезд в Израиль. Он оставляет двухкомнатную квартиру. Говорят, это отличная квартира. Комнаты по семнадцать квадратных метров с окнами на две стороны, с двумя балконами... Наше с женой терпение вознаграждается. Пять лет мы жили в однокомнатной квартире, пять лет ждали своей очереди. Наша однокомнатная квартира в доме — единственная. Мы дольше других ждали, мы больше других нуждаемся, мы эту квартиру получим. Наше право на нее бесспорно и подтверждено последним собранием. Теперь у меня будет своя комната, где в благодатной тиши-

не я смогу творить свои бессмертные или какие получатся сочинения. Вы представляете, отдельная комната! Сколько живу, никогда не знал такой роскоши. Вот явился бы какой-нибудь добрый волшебник и спросил бы единственное желание, я сказал бы: хочу отдельную комнату.

Идя по двору, встретил одного мудреца (фамилию его опущу). Он говорит:

– Вам надо быть бдительным, чтобы не упустить квартиру Кленова.

– Зачем же мне быть бдительным, – спрашиваю, – если кроме меня на эту квартиру нет реальных претендентов?

– Вы так думаете? – усмехается он. – Я квартиру Кленова знаю. Это очень хорошая квартира. Хотите точный прогноз?

– Ну?

– Вы эту квартиру получите, но с очень большим трудом.

– Вы знаете какие-то факты?

– Я знаю один факт: это очень хорошая квартира и не может того быть, чтобы кто-то на нее не позарился.

Иду дальше. Кивая головой, бежит навстречу переводчик Яков Козловский. У него как всегда вид собаки, которая спешит что-то разнюхать, но при этом опасается как бы кто из прохожих не огрел палкой. Говорит в обычной своей манере, приседая, оглядываясь и шепотом:

– Старик, не надейся напрасно, эту квартиру ты не получишь.

– Почему?

Он опять оглядывается (никто не следит?).

– Старик, я тебе сказал все, что мог.

И, оставив меня в недоумении, бежит дальше.

Поневоле начинаю волноваться. Вокруг освобождающейся квартиры что-то происходит, плетутся какие-то интриги. На каждом шагу встречаю доброжелателей, которые предупреждают.

– Вам надо смотреть в оба, вы должны бороться.

Почему бороться и с кем? Где тот противник, которого я должен уложить на лопатки?

Из дневника

13 февраля.

На завтра назначено правление кооператива. Иду к одному из членов правления, прошу если что за меня заступиться.

— Вы знаете, — говорю, — мне об этом пока неудобно оповещать всех, но если вы на правлении будете решать это дело и возникнут какие-то сложности, уж вы, пожалуйста, имейте в виду, что кроме всего прочего, моя жена беременна, правда, всего только на третьем месяце, но поскольку у меня и других прав достаточно, на всякий случай пусть это будет еще одним аргументом.

14 февраля.

Вечером звонок в дверь. Является член правления, к которому я обращался.

— Вот что, дети мои, — сказал он мне и моей жене. — Только что мы заседали. Я вынужден вас огорчить. Видимо, кленовскую квартиру вы не получите. Но ничего, вам дадут квартиру Бажовой. Она, правда, похуже — комнаты маленькие и на одну сторону, но все-таки двухкомнатная.

Ничего не могу понять. Кто такая Бажова? Почему я должен получать ее квартиру, в которой она живет, а не кленовскую, которая свободна?

Наш гость объясняет. Выступил председатель кооператива Турганов. Он сказал, что при проектировании дома была допущена ошибка. В доме только одна однокомнатная квартира. А между тем подрастают дети, некоторые хотят разделяться, разъезжаться. Например, Бажова хочет отделиться от сына и разменять свою двухкомнатную квартиру на две однокомнатных. Так вот, если от квартиры Куперштока (настоящую фамилию Кленова Турганов произносит старательно и с явным подтекстом) отделить одну комнату,

то останется еще комната с кухней, ванной и уборной, то есть однокомнатная квартира. Дальше все просто: Войнович въезжает в квартиру Бажовой, Бажова получает квартиру Войновича и ту, которая останется от квартиры Куперштока.

Слушая это, я по-прежнему не могу ничего понять. В чем дело? Почему из двухкомнатной квартиры надо делать однокомнатную? А что будет с той комнатой, которая останется без кухни, ванной и уборной?

Оказывается, в этой комнате как раз все дело. Сергей Сергеевич Иванько просит улучшить его жилищные условия и присоединить эту комнату к его квартире.

Опять не легче. Что же этот Иванько очень нуждается? У него плохая квартира? Нет, у него на троих трехкомнатная квартира, одна из лучших в нашем доме. Может быть, он долго стоял в очереди? Нет, он живет в нашем доме меньше других, с 1969 года, в октябре прошлого года подавал какое-то заявление на улучшение жилищных условий, просил четвертую комнату. Почему он просил четвертую комнату? На каком основании? Просить можно что угодно, я тоже могу попросить четыре комнаты, но мне же их никто не даст.

— Вы сказали, что у меня жена в положении?

— Да, конечно, — говорит мой собеседник. — Больше того, я сказал: ”Я все понимаю, может быть, нашему уважаемому Сергею Сергеичу действительно нужна эта комната, но ведь Войнович живет в однокомнатной квартире, жена беременна. Сергей Сергеич, неужели вам не будет неудобно в роскошной четырехкомнатной квартире, зная, что ваш товарищ, писатель, ютится с женой и ребенком в одной комнате?”

— А он что же? — не выдержал я.

— А он? А он мило улыбнулся и говорит: ”Ну, через это я как раз могу переступить.”

Тут я даже руками развел.

— Прямо так и сказал?

— Да, — ответил наш гость смущенно, — прямо так и сказал.

— Ну, а вы, — спросил я, — вы, конечно, возмутились,

вы сказали, что он слишком много себе позволяет?

– Нет, – смутился наш гость еще больше, – я ничего не сказал. Я обалдел.

Обалдеешь!

Приходит в голову еще вопрос:

– А что же эта Бажова, она понимает, что в нашем доме две однокомнатных квартиры будут стоить вдвое дороже, чем ее одна двухкомнатная? Может, она миллионерша?

– Нет, она довольно бедная женщина, но Иванько говорит, что он ей поможет.

– То есть просто купит для нее одну из этих квартир?

– Вероятно.

– И за эту комнату, которую он хочет, тоже заплатит?

– И заплатит еще за то, что пробьют капитальную стену.

– Значит он миллионер?

– Во всяком случае за расходами не стоит.

– Но ведь долбить капитальную стену архитектурными нормами строго запрещено.

– Он говорит, ему разрешат.

– Да кто же он такой?

– Я не знаю, кто он такой. Писатель, вероятно. Говорят, член Союза.

– А я кто, по-вашему?

– Володя, ну что вы ко мне пристали, – рассердился наш гость. – Я вам говорю то, что было. Раз он так высказывается, значит считает, что может себе позволить.

– Но другие-то члены правления что говорят? Ведь там кроме вас есть еще какие-то приличные люди. Ну вы обалдели, а они что?

– И они обалдели.

Гость ушел, мы с женой остались в полной растерянности. Что за напасть! Откуда взялся этот писатель? Писатель Иванько. Все-таки имею какое-то отношение к этому делу, слежу за новинками литературы, и – убей меня бог – если я хоть когда-нибудь слышал такую фамилию. Хватаю справочник Союза писателей, открываю на нужную букву, Иванович, Ивантер, Ивасюк, нет здесь Иванько и в помине.

Если не попал в справочник, значит, только недавно принят. Выходит, молодой писатель. Отчего же молодому такие по-блажки? Чтобы он жил в четырех комнатах, а я оставался в одной. Конечно, мы заботимся о нашей литературной смене, но не настолько же!

И как прикажете понимать слова его, что через это он как раз может переступить?

Когда-то в первый послевоенный голодный год автор этих строк приобретал в ремесленном училище профессию краснодеревщика. У нас было бесплатное трехразовое питание. Обычно завтрак и обед съедали все, но ужин доставался не каждому. На официантку с подносом налетали как коршуны и хватали кто две, кто три порции, кто ни одной. Такая система распределения общественного продукта носила название "на хапок". Но так действовали голодные дети, когда не было поблизости мастера или чного начальства.

А тут среди бела дня, на глазах писательской общественности. Да что же это такое творится? Немедленно звонить во все колокола! Где там телефон нашего председателя?

Фигура в районном масштабе

Я не ставил своей задачей изображать Бориса Александровича Турганова, но, к сожалению, в этом рассказе без него никак не обойтись. Поэтому позвольте хотя бы мимоходом представить вам и его. Он, как я вам уже сообщал, — председатель нашего кооператива. Переводчик с украинского. Возраст — под или за семьдесят. Голова голая, как яйцо. Ходит по двору важно, говорит внушительно, всем своим видом показывая, какой он большой человек, какие крупные проблемы ему приходится решать в повседневной жизни. Говорят, в частной беседе он однажды заметил:

— Что ни говорите, а в районе председатель писательского кооператива — фигура.

Фамилии должностных лиц и сами названия их должностей Борис Александрович произносит с юношеским восторгом. О себе предпочитает говорить в третьем лице.

— А что же вы хотите, чтобы за вас Председатель думал?

— Я прошу вас выбирать выражения. Перед вами — Председатель.

Название должности Бориса Александровича я написал с большой буквы, следуя употребляемому им правописанию. Все должности, начиная со своей собственной и выше, он обозначает только с заглавной буквы.

Один мой знакомый славится замечательной памятью и тем, что знает едва ли не всех в Москве, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к литературе, любит давать каждому, о ком пойдет речь, краткую характеристику. Характеристики его, как правило, доброжелательны. Например, вы спрашиваете его, кто такой Иванов.

— Иванов? — переспросит он. — Очень талантливый человек.

Или: очень хороший человек, симпатичный человек, удачливый человек, неплохой человек, человек не без способностей и т. д.

На мой вопрос о Турганове он сказал не задумываясь:

— Очень богатый человек. — И, немного подумав, добавил: — И очень плохой человек.

К портрету этого человека мы, пожалуй, еще вернемся, а пока только сообщу вам, что тогда же, 14 февраля вечером я ему позвонил по телефону. Трубку взяла жена. Узнав, кто спрашивает ее мужа, она сказала:

— Сейчас посмотрю, он, кажется, уже лег. — И, выдержав паузу. — Да, он уже лег.

Звоню утром.

— Борис Александрович еще спит.

Звоню еще через некоторое время.

— Он только что вышел.

— Я так и думал, — говорю. — Ничего, я его все равно разыщу.

Во второй половине дня телефонный звонок.

— Владимир Николаевич, это Турганов. Я вам звоню, чтобы вы не думали, что я от вас скрываюсь. Почему вы считаете, что правление не может обсуждать какие-то вариан-

ты?

— Правление может обсуждать все что угодно, если у него есть время. Но квартира 66 должна принадлежать мне. Тем более, что, как вы помните, так решило последнее собрание.

— Никакого решения не было. Была рекомендация.

— Борис Александрович, вы хорошо знаете, что рекомендовать может правление. Собрание не рекомендует, а решает. Я понимаю, чем продиктованы ваши действия, но вам все же не стоит браться за это дело, оно у вас не получится. Через собрание вы его не проведете, а без собрания у вас и подавно ничего не выйдет, я вам обещаю. Если вы трезво мыслящий человек, вы должны это понять. — Молчание. — Вы согласны со мной?

На этот вопрос он не отвечает. Подумав, он говорит:

— Я знаю, кто вам рассказал о правлении.

Из этих его слов я заключил, что Турганов рассматривает правление нашего кооператива, как секретную организацию, которая свои дела должна хранить в тайне от рядовых пайщиков.

Он не чинуша

Я был избавлен от необходимости собирать справки о личности Иванько, сведения о нем сыпались на меня на каждом шагу. Разные лица доставляли мне эти сведения, кто с угрозами, а кто просто так. В конце концов я узнал, что Иванько Сергей Сергеевич, 1925 года рождения:

а) родственник бывшего председателя КГБ Семичастного;

б) ближайший друг бывшего представителя СССР в Организации Объединенных Наций, ныне главного редактора журнала "Иностранная литература" и секретаря Союза писателей СССР Николая Т. Федоренко;

в) сам по себе тоже большая шишка. Заведовал каким-то издательским отделом в ООН, теперь член коллегии и в Госкомиздате,¹ командует всеми издательствами Совет-

¹Сокращенное название Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров СССР.

ского Союза, в любом из них может зарезать любую книгу; а кроме того — так говорили — занимает очень заметный пост в том самом учреждении, где его родственник Семичастный был председателем и не только что книгу зарезать, а и автора сжить со свету ему не доставит большого труда.

Трезвые люди советовали уступить.

Кое-что прояснилось, но кое-что оставалось не очень понятным. Если он такой большой человек, то почему же ему не дадут квартиру казенную и такого размера, какой ему нужен?

— Ему дадут все, что он захочет, но он не может отсюда выехать.

— Почему?

— Потому что он эту квартиру, как он сам говорит, оборудовал. Он привез из Америки кухонный комбайн, унитаз, кондишен, особые какие-то обои, особое что-то еще, все это вмуровано в стены, в полы, в потолки. Оборудование стоит колоссальных денег, а выдрать его, значит испортить. Он никуда не может уехать, он может только расширяться или пробиваться вверх или вниз.

— Владимир Николаевич, — говорит мне лифтерша из подъезда Иванько, — вы видели как этот-то (она избегает называть моего соперника по фамилии) переезжал? Нет? А мы видели. Две машины с контейнерами и все американское. И унитаз, и кухонный комбайн, и еще черт-те чего. Санки, даже санки детские, и те привез из Америки! — почему-то эти санки произвели на нее наибольшее впечатление. — Да ему, Владимир Николаевич, и пять комнатов мало.

— Да, — говорит писатель М., — я тоже видел, как он переезжал. Для наших географических условий зрелище впечатляющее. Масса каких-то предметов неизвестного назначения, каждый обернут фольгой и на каждом крупными буквами IVANCO (он так и произнес на английский манер без мягкого знака — Иванко).

Но, говорят, в октябре, когда об отъезде Кленова еще не было и речи, он подавал заявление на улучшение. На что же он рассчитывал тогда?

— Тогда он рассчитывал на одну из комнат Козловского.

— Как? — я еще не утратил способности удивляться. — Но ведь Козловский в своей квартире живет.

— Поймите, чудак-человек, для Иванько это не имеет никакого значения.

Вот так да! Ничто для него не имеет значения!

— Слушай, -- спросил Козловского некто, — что думал Иванько, подавая заявление на твою комнату?

— Не говори и не спрашивай, — сказал Козловский, испуганно приседая. — Наверное, он хочет меня выслать в Израиль или расстрелять.

Вот первые штрихи к портрету Сергея Сергеевича Иванько.

Но вот тот же образ в ином освещении. Говорит пожилая дама, жена одного из влиятельных членов правления нашего кооператива:

— Миленький, вы напрасно так отзываетесь о Сергее Сергеевиче. Это очень хороший, очень милый человек. Я понимаю ваше положение, но и вы поймите его. Он привез из Америки все оборудование, ему предлагают пять комнат хоть сейчас на Новом Арбате, но он же не может. Да, он очень симпатичный человек. Некоторые говорят, что он чинуша. А он совсем не чинуша. Он писатель. Да, он писатель. А у него нет даже своего кабинета.

Боже мой, прямо хоть плачь над несчастной судьбой писателя Иванько. Даже неловко как-то становится. Как будто у меня есть кабинет, гостиная, спальня, столовая и как будто не он у меня, а я у него пытаюсь что-то отнять.

— Но ведь у него, — говорю я, несколько оробев, — три комнаты на троих. Почему же он не может из одной комнаты сделать себе кабинет?

— Миленький, да как же вы не понимаете? — она

прямо потрясена моей тупостью и бессердечием- Я же вам говорю: у него квартира оборудована. Ему буквально повернуться негде. Вы же человек. Почему вы не можете войти в положение другого человека? Да, я вас понимаю, вы живете в одной комнате и у вас тоже нет кабинета и ваша жена... кстати, вы ей скажите, что ей сейчас нельзя волноваться. И сами не нервничайте. Мы вам обязательно что-нибудь подыщем. Мой муж говорит, что вам нужна только хорошая квартира, ни о какой квартире Бажовой не может быть даже и речи, что вы! Вера Ивановна Бунина... Вы ее знаете? Нет? Она, между прочим, к вам очень хорошо относится. Она обещала вам подыскать хорошую квартиру. Потерпите два дня, Вера Ивановна вам что-нибудь подыщет. Кленовская квартира принадлежит вам, она уже ваша, но только два дня. Ведь Сергей Сергеевич такой милый человек, я его мало знаю, но он очень симпатичный. И совсем не чинуша. Идите, миленький, домой, успокойтесь сами и успокойте жену. Ей сейчас нельзя волноваться.

Этот монолог был произнесен (у меня записано) 15 февраля.

А вот еще один отзыв:

– Иванько писатель? Да что вы говорите! Скорее вот эту кастрюлю можно назвать писателем. Обыкновенный Акакий Акакиевич. Я его знаю как облупленного, работал с ним вместе в "Лижи"¹. Его потом выгнали. Во времена нашей великой дружбы с Китаем он написал об этой дружбе передовую и допустил политический "ляп". В газете было напечатано: "большого подъема достигла экономика США и Китая".

И еще мнение:

– Что вы, он не Акакий Акакиевич, он – значительное лицо. Хотя действительно когда-то был очень мил и приветлив. А вот потом поехал в Америку и уж вернулся оттуда надутый.

¹Так называли писатели газету *Литература и жизнь*.

Кого считать писателем?

В ту ночь я спал плохо. Мне снилась белая с длинной ручкой кастрюля для молока, и я пытался решить вопрос – можно ли ее считать писателем. И почему-то я решил для себя, что считать писателем ее, пожалуй, и нельзя, но принять в Союз можно. Снилось мне заседание приемной комиссии и выступление одного из членов комиссии, что принять кастрюлю просто необходимо, потому что она не бездарна – ничего бездарного пока что не написала.

– Это правильно, – глубокомысленно соглашалось некое значительное лицо, раздуваясь словно воздушный шар.

Конечно, присниться человеку может все, что угодно. В том числе и такая абракадабра. Но подобная абракадабра сплошь и рядом происходит и наяву. В бытность мою – три срока – членом бюро секции прозы Союза писателей, я неоднократно бывал свидетелем таких примерно отзывов при приеме нового члена:

– Книгу, которую представил товарищ Такой-то не назовешь, конечно, талантливой. Да, она серая книга, но у нас же не союз *талантливых* писателей, а союз *советских* писателей.

Вы думаете, это говорилось с юмором? Нет, это утверждал всерьез обычно такой же советский, но не талантливый.

Поначалу я возражал против такой формулировки, утверждая, что профессия писателя от всех прочих тем именно и отличается, что подразумевает в носителе ее наличие *писательского таланта*. Я считал, что определение талантливый писатель есть тавтология. Неталантливый писатель, это вообще не писатель. Признаюсь, в то время, я даже помешал некоторым неписателям вступить в Союз, но впоследствии счел свой принцип несправедливым. Я увидел, что 90%, а то и больше членов Союза и есть неписатели. То есть, они исписывают конечно некоторое количество бумаги текстом, который потом набирается, печатается, заключается в твердую или мягкую обложку и перед сдачей

в макулатуру выставляется на прилавках магазинов. Но он, этот текст, чаще всего не имеет никакого содержания. Ни морального, ни эстетического, ни даже политического. Я перестал придирается к писателям. Я подумал, что если таких писателей в Союзе подавляющее большинство, то почему не принять еще и этого, который пока не состоит, но он ничем не хуже уже состоящих. (Положение тут безвыходное: писатель, вступив в должность писателя и пытаясь закрепить свое право на эту должность, довольно умело используя обстановку, начинает впоследствии доказывать, что он и есть писатель, что только такие писатели и нужны, а вот те, кого определяли писателями по старым меркам, они и есть неписатели).

Вышеприведенные рассуждения касались только лиц, не достигших к моменту вступления в Союз писателей больших чинов. Но если вступает Некто, занимающий где-то высокую должность, про него не говорят, что его надо принять, хотя он и плохо пишет. Про него сразу рубят, что он не какой-нибудь, а просто Большой Писатель. На этой теме мы еще остановимся, а пока вернемся к нашему уважаемому.

Легендарный унитаз

Итак, из Америки он вернулся надутый. И было отчего. Он прожил там шесть лет и даже во время отпуска не всегда посещал родные края. Иногда с семьей отдыхал в Ницце (вы, читатель, отдыхали когда-нибудь в Ницце?). Из дальних странствий возвратясь, на свои трудовые сертификаты приобрел "волгу" нового образца, обменял квартиру маленькую двухкомнатную, на большую трехкомнатную, обставил ее привозной мебелью и оборудовал "ихней" техникой, в число которой входит и какой-то неопиcуемый унитаз, о котором в среде литературной общественности слагались легенды.

Казалось бы, что еще человеку нужно? Но человек, особенно человек творческий, как известно никогда не останавливается на достигнутом. Поставил один унитаз, хочется

поставить второй, а куда?

Вот то-то и оно-то...

Вера Ивановна Бунина

Мне советовали обратиться к Вере Ивановне Буниной. Она у нас в кооперативе Председатель (тоже, небось, надо с большой буквы) Ревизионной комиссии. То есть той самой комиссии, которая обязана наблюдать чтобы правление вершило свои дела в соответствии с волей большинства пайщиков и действующим законодательством. Набирая номер ее телефона, я надеялся найти у нее управу на Турганова и его уважаемого протезе. Тем более, что она, как говорили, ко мне очень хорошо относится.

— А что вы хотите? — спросила она вполне недружелюбно.

Я даже слегка опешил.

— Как? Я хочу получить квартиру.

— Ну так и получайте, вам же предлагают квартиру Бажовой.

— Я не хочу квартиру Бажовой, я хочу ту, которая освободилась.

— То есть вы хотите квартиру хорошую, — уличила она меня тут же.

— А вы хотите плохую? — поинтересовался я.

— Сейчас не обо мне речь, а о вас. Давайте говорить прямо: вы хотите квартиру хорошую. — Она так подчеркивала интонационно это слово "хорошую", как будто в этом была видна вся степень моего падения.

— Да, — вынужден был я признаться, — я хочу квартиру хорошую.

— Вот так вы и скажите.

— Я так и говорю.

— Гм... — похоже, она растерялась. Она рассчитывала, что я буду доказывать что хочу получить именно плохую квартиру или, в крайнем случае, какую-нибудь, тогда она могла бы мне возражать. А тут встала втупик. — Да, но вы

ведете себя неправильно, вы чего-то требуете, вы капризничаете...

Немного о птице-тройке и Альфреде Мюссе

Положив трубку, я задумался. Я стал думать, почему эти люди так враждебно воспринимают каждое мое слово? Может быть я действительно веду себя как-то не очень порядочно? Нет, вы не подумайте, что я пытаюсь острить. В каких-то предыдущих страницах я пытался достичь какого-то юморстического эффекта, но здесь нет. Здесь я пытаюсь говорить совершенно серьезно. Я был растерян. Я думал, что все права не только юридические, но и моральные настолько на моей стороне, что меня сразу же все поддержат, и на стороне Иванько не останется никого, кроме Турганова. Ну, допустим, нашли они еще какого-то Кулешова. Но вот, например, Козловский. Кажется, он неплохо относился ко мне. И вообще вроде бы неплохой человек. Потом мне, правда, сказали (и сам я в том убедился), что мерзавец, но тогда я еще не был в этом уверен. Ну, а тот самый влиятельный член правления, о котором я упоминал выше, ему-то зачем Иванько понадобился? Старик (70 лет) из бывших дворян, пишет о хороших манерах, жена, тоже из бывших, играет на пианино. Разве это хорошие манеры: пытаться угодить чиновнику? Может, я правда чего-то не понял, может, у Иванько какие-то особые обстоятельства, а я пру напролом, ослепленный жадой расширения площади?

Между прочим, в подобную моральную ситуацию я уже попадал. Когда в 1970 году меня в Союзе писателей прорабатывали за первую часть Чонкина, среди прорабатывающих были не только Грибачев или, например, некий Винниченко, нет среди них были люди с репутацией порядочных, а с одним из них я даже был в какой-то не очень тесной дружбе. Но вот они встают и говорят. Ну, ладно Грибачев и Винниченко — ясно, что они говорят и зачем. Но вот вступает в хор один из "порядочных". Он читал обсуждаемого писателя раньше. Он ценил его творчество, но теперь он не верит своим глазам. Он испытал горькое разочарование, подобно

тому, какое испытывает, когда у такого тонкого эстета, как Альфред Мюссе, встречается явные грубости. Я сижу, я слушаю, я думаю. Ну ладно там, ну Грибачев, ну Винниченко. Но это же человек порядочный. И говорит он не сквозь зубы, не вынужденно. Он возбужден, он проводит литературные параллели, он *художественно* говорит. Не успел я опомниться от Альфреда Мюссе, встает другой, тот, с которым я дружил. Он говорит глухим голосом. Он Володю (чтоб подчеркнуть бывшую близость) знает давно. Знает, как писателя честного, думающего. Но понимаешь, Володя (это уже прямо ко мне), писатель может и должен критиковать все, он может подвергнуть самой резкой сатире любые наши недостатки, любого бюрократа (при этом он размахивает кулаком, как будто этими словами и громит как раз те самые недостатки и того самого бюрократа), но есть один герой, которого критиковать никогда нельзя – это народ. Этого не позволяли себе даже такие гиганты, как Салтыков-Щедрин и Гоголь. Гоголь, который беспощадно высмеял многие недостатки прежней Руси, написал затем: "Птица-тройка!.."

Мне было бы морально гораздо проще, если бы я думал, что все подонки и негодяи, но здесь вроде бы говорит человек, разделяющий мои взгляды. Откровенно говоря, я был удручен. Будучи не очень самонадеянным, я засомневался. Мои друзья "Чонкина" хвалили. Но может быть они хвалили по-дружески, стесняясь сказать, что-то другое?

Ведь я и сам иногда, не желая обидеть товарища, могу похвалить вещь, которая мне не очень понравилась. Но потом я подумал, что все это выглядит немножко странно. Нет, я не претендую, чтобы вещь моя непременно понравилась всякому. Я ее раньше показывал разным людям. Кому-то она нравилась больше, кому-то меньше, кому-то нравилась очень, кому-то, может быть (так уж мне все-таки не говорили, возможно, из вежливости) совсем не нравилась. Но здесь, в кабинетах, она не нравилась всем и не нравилась ничем. Ни одному не понравилась ни одна сцена и ни одна строчка. И Грибачев, и мой бывший старший друг были в этом едины. О последнем я думал, пытался его понять. Тем более, что и потом он меня уверял, что в кабинете говорил

искренне. Я себе представил: вот ему, как члену кабинета предложили прочесть мое сочинение. Он понимает, для чего ему дали это прочесть. Если, допустим, это ему понравится, тогда, как честный человек (а в своей честности он не сомневается) он должен будет сказать, что ему это понравилось. Но если он это скажет, то тем самым навлечет на себя неприятности вплоть до изгнания из кабинета. А у него где-то там какие-то договора, книги, сценарий, представление по случаю грядущего юбилея на орден или на премию. Все рухнет, если ему понравится эта вещь. Ему будет гораздо удобнее, если эта вещь окажется плохой. Он начинает читать и при этом думает. Вот написал всего одну часть и тут же сунул на Запад. Торопится. И из-за такой ерунды... Ну написал бы уж все, так было б хоть из-за чего отдуваться. А то одна часть. Да еще говорит, что не знает как *туда* попало. Если не хотел, так не попало б. Сам сунул, а отвечать не хочет. Хочет выкрутиться. Хочет, чтоб я за него отвечал. Конечно, когда что-то начинаешь читать с такими мыслями, понравиться это что-то не может. Но он читает: "Было это или не было, теперь уж точно сказать нельзя..." Он морщится. Почему точно сказать нельзя? И что это такое — было или не было? Если не знаешь, было или не было не рассказывай. Потом ему еще попадается, какая-то неудачная строчка, а может быть и сцена, он раздражается, под влиянием раздражения он видит только одни недостатки и не видит никаких абсолютно достоинств. После прочтения у него и вовсе портится настроение. То, что он прочел, не вызвало у него ни разу ни удовольствия, ни улыбки. А ведь некоторые наши леваки сочтут, что он так думает из трусости. Но он же не трус. Это все знают. В других случаях он кого-то защищал, с кем-то сражался. Но не может же он, *рискуя собой*, хвалить вещь, которая ему искренне не нравится...

Он идет в кабинет и говорит о птице-тройке. Говорит с пафосом и вполне искренне.

И это ужасно.

"Подождите, я скоро умру"

А вот еще телефонный звонок. Прорывающийся сквозь рыдания старушечий голос:

— Владимир Николаевич, это говорит такая-то. Я вас очень прошу подождите, мне уже недолго осталось, я скоро умру.

Какой-то дурацкий розыгрыш. Я бросаю трубку. Снова звонок.

— Владимир Николаевич, я вас умоляю, не бросайте трубку, выслушайте. Я понимаю, у вас такое положение, вам не терпится, но у меня цирроз печени, общий атеросклероз, уверяю вас, вам долго ждать не придется.

Я, кажется, начинаю сердиться.

— Да что вы ко мне пристали, — говорю я. — С какой стати я должен ждать вашей смерти?

— Владимир Николаевич, — кажется, она тоже сердится, — мне о вас говорили, как о порядочном человеке.

— Ну и что с того, что вам говорили? Почему же я при этом должен ждать вашей смерти?

— Значит, вы не хотите ждать?

— Нет, не хочу.

— Да, теперь я вижу (опять в ее голосе слезы), вы не порядочный человек... Вы... вы... вы...

На этот раз трубку бросила она.

— С кем это ты так странно разговаривал? — спрашивает жена удивленно.

— Да ну ее к черту, какая-то сумасшедшая.

Опять звонок. На этот раз звонит наш общий со старушкой знакомый. Она ему звонила, рыдала, жаловалась и он хочет выяснить в чем дело, почему я ее обидел. Объясняю, что я ее не обижал, я вообще не понял, зачем она звонила и почему я должен ждать ее смерти. Выясняется: к старушке приходила Вера Ивановна Бунина. Старушка после смерти мужа живет одна в трехкомнатной квартире. Вера Ивановна предложила ей взамен однокомнатную квартиру "Ваша квартира, — сказала она, — нужна Войновичу".

— Боже мой! — хватаюсь я за голову. — Почему эта

Бунина так обо мне хлопочет? И вообще кто она такая? Дочь того Бунина?

– Нет, она жена нашего Эйдлина.

Ну и ну! Пожалуй, пора действовать.

Сбор подписей

В Правление ЖСК "Московский писатель"

Войновича В. Н.

З а я в л е н и е

В связи с возникновением фантастических проектов относительно освобождающейся квартиры № 66, я вынужден напомнить, что Правление является всего лишь исполнительным органом кооператива и распределять жилплощадь по своему усмотрению неправомочно.

Являясь, в отличие от других претендентов на квартиру № 66, остро нуждающимся в улучшении жилищных условий, я категорически настаиваю на том, чтобы эта квартира, в соответствии с решением общего собрания, была предоставлена мне. Всякие попытки келейно отменить или изменить решение общего собрания считаю незаконными и самоуправными.

17 февраля 1973 г.

– Наглое заявление, – сказал кому-то член правления А. Кулешов.

А Эйдлин, муж Веры Ивановны Буниной, охарактеризовал это заявление как бандитское.

Оценки заявления сами по себе неинтересны, но мне хотелось знать, что ответит правление, а оно ничего не ответило.

Жду день-другой-третий--ответа нет. Достал устав кооператива, вооружился знаниями. Выяснил, что в конфликтных случаях по требованию одной трети членов кооператива может быть в шестидневный срок созвано внеочередное общее собрание.

22 февраля сочиняю новое произведение:

"В соответствии с уставом кооператива требуем в

шестидневный срок созвать общее собрание пайщиков”.

Жена пошла по квартирам собирать подписи. Собрать подписи оказалось легче, чем под письмом в защиту Синявского и Даниеля, но труднее, чем под Стокгольским воззванием. Я. Козловский сказал, что он подписать не может, поскольку он член ревизионной комиссии, его коллега Н. скрылся в неизвестном направлении и не появлялся до тех пор, пока сбор подписей не был закончен, Т. подписалась, но потом просила “снять” ее подпись, хотя была сконфужена и объясняла свой поступок тем, что им предстоит обмен квартиры и она боится, как бы не сорвалось.

Но в основном подписывались охотно. Одни из чувства справедливости, другие из хорошего отношения к автору этих строк, третьи из ненависти к Турганову и Иванько. Некая дама сказала, что против Турганова она подпишет все, что угодно. Я удивился и спросил, чем наш председатель ей так насолил. Она сказала, что он недавно председательствовал в гаражном кооперативе, откуда был изгнан за воровство. Его даже хотели судить, но потом решили, что это уронит в глазах народа уважение к званию писателя. Последнее сообщение удивило меня еще больше, потому что бережного отношения к званию писателя я в последнее время как-то особенно не замечал. Впрочем я вспомнил, что когда накануне процесса Синявского и Даниеля выяснилось, что Куприянов с компанией держали тайный притон разврата, это дело было прикрыто по тем же, примерно, мотивам. Тогдашний секретарь МГК Егорычев сказал, что партия не должна ссориться с интеллигенцией.

23 февраля, собрав полсотни подписей, несу письмо секретарю правления и копию председателю ревизионной комиссии Буниной.

Вскоре выясняется, что я не только бандит. Вера Ивановна обзванивает подписавшихся, стыдит, грозит, требует снять подписи под подметным письмом. Кроме того, она утверждает, что многие подписи не действительны, потому что жены расписывались за мужей, мужья за жен, а некоторые и вовсе не знали под чем подписываются. Это мне уже кое-что напоминало. Это напоминало мне

кампанию против "подписантов". Та же система: шантаж, запугивание подписавших. На более низком уровне, с меньшими возможностями осуществления угроз, но то же самое. Кстати, и мои подписи в защиту осужденных Бунина и Турганов тут же припомнили. И дальше во всех инстанциях райисполкомовских и моссоветовских этот фактор будет иметь значение.

— А вы знаете, что он подписывал письма в защиту антисоветчиков? А вы знаете, что он напечатал за границей антисоветскую повесть и вообще он сам известный антисоветчик?

Как же после таких сообщений райисполкомовский чиновник может не отказать в квартире! Ведь он тоже должен быть бдительным.

Но что же делать? Уступить Сергею Сергеевичу? Уж тогда-то наверное, буду я признан патриотом. Впредь до появления новой квартиры.

Писатель Иванько

Пока происходит вся эта катавасия, по двору распространяются новые слухи. Говорят, что в Гослитиздате, где наш уважаемый Сергей Сергеевич полный хозяин, готовится к печати сборник (а некоторые утверждают — двухтомник) оригинальных стихов нашего председателя. Там же готовится и сборник стихотворений Козловского. Там же запланирован и китайский роман в переводе Эйдлина. Напоминаю, Эйдлин — муж Веры Ивановны. Но оказывается у этой почтенной семьи с Сергеем Сергеевичем давние отношения. Эйдлин — известный китаист, то есть специалист по китайской литературе. И Сергей Сергеевич китаист, ученик Эйдлина. Кроме того, как вы помните, Сергей Сергеевич личный друг Николая Т. Федоренко. А Николай Т. Федоренко тоже, кроме всего прочего, китаист. И если вы достанете сборник *Восемнадцать стихотворений* Мао Цзэ-дуна (Москва 1957), то там вы прочтете "перевод под редакцией Н. Федоренко и Л. Эйдлина". Вот как тесен мир! Там же помещены переводы Эйдлина и предисловие Федоренко. А поскольку

мы уж взяли в руки этот фолиант, я не могу удержаться (а вы уж, пожалуйста, потерпите) чтобы не процитировать один абзац предисловия. Вот он: "Прочтя на страницах журнала *Поэзия* стихотворение "Люпаньшань", один из героев китайской освободительной войны рассказал, как во время сражения небольшого отряда революционных войск с превосходящими силами врага почти все бойцы погибли, остались лишь два-три человека. Движимые чувством верности партии и народу, они приготовились к гибели. В последний момент они пожелали послушать "голос Центрального комитета партии". Зазвучал радиоприемник, и до слуха донеслась декламация стихотворения "Люпаньшань". О, что это были за стихи! Они волновали, вселяли мужество, уверенность. Люди почувствовали прилив новых сил и решили пробиться из окружения. И им это удалось."

Об этом эпизоде автор предисловия узнал из статьи китайского поэта, но чувствуете сколько личного восторга и личной любви к великому кормчему вложил он в свой пересказ! Прямо хоть сейчас на страницы *Жень минь-жибао*. Но не будем передергивать. Я не думаю, чтобы Николай Т. Федоренко когда-нибудь любил председателя Мао или его творчество. Скорее всего, приведенный отрывок — образец чистейшего лицемерия (я предлагаю автору предисловия опровергнуть сегодня это мое утверждение).

Мы несколько отклонились. Тем более, что у меня нет достаточных оснований считать товарища Федоренко участником битвы за квартиру своего личного друга. Но поскольку уж мы затронули китайскую тему, добавлю еще один штрих к портрету нашего героя, штрих, который я хотел нанести в конце своего рассказа. Как вы увидите впоследствии, в борьбу за четвертую комнату Иванько вовлек очень крупные силы. Его покровители требовали для него особых привилегий на том основании, что он крупный государственный деятель и крупный писатель. За него хлопотали издательства и кое-кто в Союзе писателей, где он, недавно туда вступив, числится уже не просто рядовым членом, а состоит во всяких руководящих органах.

И однажды я поинтересовался: а что же он написал, этот писатель? В ленинской библиотеке я выяснил, что там зарегистрировано одно произведение писателя:

Тайвань – исконная китайская земля. М. 1955. 44 стр. с картами.

По этим данным трудно составить представление о степени дарования нашего писателя, но зато можно уверенно утверждать, что по части территориальных притязаний он вовсе не новичок.

Иванько за океаном

Вернемся однако к нашему сюжету. Как ни трудилась Вера Ивановна Бунина на ниве дискредитации наших домогренных подписантов, они уперлись и ни в какую не хотят снимать свои подписи. Один из членов правления понес письмо председателю, но Турганов отказался принять и письмо, и члена правления. Он, Турганов, устал, он не только Председатель, но и человек, причем советский человек и как все советские люди имеет право на отдых. А сегодня 23 февраля – день Советской Армии, а завтра суббота, а послезавтра воскресенье...

– Двадцать шестого, в понедельник приходите, тогда разберемся.

А двадцать шестого новая незадача – наш уважаемый срочно вылетел в Соединенные Штаты, по выражению одного моего знакомого "шуровать насчет авторской конвенции"¹. Вы представляете себе положение Председателя? Пока он тут с Верой Ивановной держит оборону, стоит насмерть, его высокопоставленный протеже несется сквозь Атлантический

¹Именно Иванько был одним из тех, кто вел за границей переговоры о присоединении СССР к упомянутой конвенции.

океан в страну желтого дьявола и ничем не может помочь Председателю. А представьте положение самого протезе. Вот он летит в этом "Боинге". Дело, конечно, неплохое. Отчего бы лишний раз не смотаться в цитадель империализма, не прибахлаться на сэкономленную валюту. Но пока он летит, этот антисоветчик, бандит, подписант, небось уже вламывается в квартиру Куперштока и расставляет свою убогую мебель. И что ж теперь делать? Остаться в своих трех комнатах? Без кабинета? Ведь даже унитаза лишний и то, извините, поставить некуда. И супруга нашего героя, слабая беззащитная женщина, тоже волнуется. Муж, можно сказать, рискуя собой, полез прямо в пасть к акулам империализма, а тут говорят о каком-то собрании. Мадам Иванько доставляет в контору заявление с просьбой отложить рассмотрение их жилищного вопроса до возвращения мужа из заграничной командировки.

Разве Турганов может отказать слабой женщине?

И он тянет время.

2 марта он собирает правление, на котором с горечью сообщает, что в кооперативе в последнее время создалась очень нездоровая обстановка. В то время как наш уважаемый Сергей Сергеевич выполняет ответственное государственное задание, некоторые лица бомбардируют правление угрожающими заявлениями и собирают подписи под подметными письмами.

Вы поняли намек? Некоторые лица через подметные письма стремятся сорвать ответственное государственное задание, то есть выступают против политики партии и правительства.

— И представьте себе, — ведет свою линию Вера Ивановна, что большинство подписей принадлежат не членам кооператива, а их родственникам. Причем многие мне говорили, что они даже не видели, что подписали.

Естественно, члены правления удивлены, потому что некоторые из них сами подписывали это письмо.

Тем не менее, Турганов назначает общее собрание на 11 марта.

Из дневника

5 марта наш уважаемый возвращается на Родину.

Несмотря на трудности, на угрожающие заявления, на подметные письма, он с честью выполнил задание партии. Пора подумать и об устройстве личного быта.

6 марта встречаю во дворе Галича.

— Ты слышал? — говорит он мне. — Иванько отказался от своих притязаний.

— Да ну!

— Абсолютно точно. Приехал, узнал, что здесь такой скандал и тут же отказался. Ты же понимаешь, он чиновник, в случае чего пришьют злоупотребление властью, у них с этим строго.

— Раньше было строго, — сомневаюсь все-таки я. — А теперь это, может, так принято.

— Да что ты, что ты! Ты не понимаешь психологии чиновника, он открыто на такое дело никогда не пойдет. Точно тебе говорю: он отказался.

7 марта всем интересующимся я говорил, что Иванько больше мне не соперник.

8 марта в международный женский день сижу дома, говорю с кем-то по телефону. Звонок в дверь. Соседка.

— Вас просят в контору, там идет правление.

Лечу как на крыльях: неужто вручат ключи?

В небольшой полуподвальной прокуренной комнате заседает высокий суд. Вот сам Председатель, вот сама Вера Ивановна, другие члены правления и среди них вполне скромно наш уважаемый в водолазке.

— Владимир Николаевич, — торжественно, как на юбилее, обращается ко мне Турганов, — мы хотим предложить вам вариант, который вероятно будет для вас приемлем. Не согласитесь ли вы взять квартиру Садовских в вашем подъезде?

Опять двадцать пять!

— Не соглашусь.

— Почему?

— Потому, во-первых, что это квартира мифическая,

Садовские менять ее не собираются...

– Это не ваша забота, – выкрикивает Бунина.

– Во-вторых, – продолжаю я свои возражения, – не как претендент на квартиру 66, а как член кооператива, я против того, чтобы Иванько получал без очереди то, что ему не положено по закону.

Вскакивает наш уважаемый, вскакивает совсем не солидно.

– А-а-а-а, почему вы думаете, что я хочу получить больше, чем вы?

И в самом деле почему я так думаю? Он хочет прибавить к своей квартире одну комнату и я хочу того же.

– Я не только не намерен помогать вашим усилиям услужить товарищу Иванько, но наоборот буду всячески им препятствовать. У нас есть очередь, более нуждающиеся...

– А вы думайте о себе! – снова выскакивает Вера Ивановна.

– Вам не следует меня учить, о ком я должен думать.

– А почему вы, – говорит Турганов, – думаете, что квартиру Куперштока вы получите раньше, чем квартиру Садовских?

– А потому, – говорю я, – что квартира Куперштока свободна и у вас нет никаких оснований задерживать ее передачу мне.

Мое высказывание воспринимается как величайшая дерзость.

– Уважайте Председателя, – требует Турганов, – уважайте членов правления.

На этом переговоры окончены.

Говорят, после моего ухода Иванько, осуждая мою неподатливость, сказал:

– У нас в Комитете ежедневно происходят сотни безобразий, но я же против них не протестую!

Вот как! Он не только не смущен своим непотворением безобразиям, но и выдает такую позицию за образец гражданской доблести. И предлагает другим следовать его примеру, то есть не протестовать против безобразий,

чинимых им.¹

10 марта, накануне собрания опять заседает правление. К этому заседанию я подготовил юридическую справку, которую для наглядности привожу целиком.

НЕБОЛЬШОЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВ ДВУХ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ОДНУ КВАРТИРУ

(составлен только на основе Закона без учета
морального фактора)

ИВАНЬКО

1. Втроем имеет право на квартиру площадью $27 + 20 = 47$ кв. м. Занимает квартиру площадью 50,5 кв. метра. По закону **НУЖДАЮЩИМСЯ** в улучшении жилищных условий не считается.

2. Хочет присоединить к своей квартире комнату от квартиры № 66 площадью 17,5 кв. метра. $50,5 + 17,5 = 68$ кв. метров. На этот счет существует положение: "После окончания строительства дома (домов) кооператива каждому члену кооператива предоставляется в соответствии с размером его пая и количеством членов семьи в постоянное пользование отдельная квартира жилой площадью *не более 60 кв. метров*". (Примерный Устав ЖСК, пункт 16).

3. В очереди на улучшение жилищных условий состоит (допустим) с октября 1972 года, хотя странно, что до сих пор об этом никому не было известно.

ВОЙНОВИЧ

1. С учетом ожидаемого ребенка имеет право на те же 47 кв. метров. Занимает *однокомнатную* квартиру жилой площадью 24,41 кв. метров. Считается **ОСТРО НУЖДАЮЩИМСЯ** в улучшении жилищных условий.

¹Высказывание Иванько напомнило мне письмо из провинции одного преследуемого властями баптиста. Начальник местной милиции высказал ему великолепное соображение: "Толстой, – сказал он, – тоже был баптистом (!). Но он не противился злу, а вы противитесь".

2. Состоит в очереди на улучшение жилищных условий с 1969 года.

3. Общее собрание 27 января с. г. постановило (а не рекомендовало, как утверждает Б. Турганов) предоставить Войновичу *первую* освободившуюся двухкомнатную квартиру, каковой и является кв. № 66.

РЕЗЮМЕ:

1. В соответствии с решением общего собрания, квартира № 66 должна быть предоставлена Войновичу.

2. Иванько вообще не имеет права на улучшение жилищных условий.

"Мы его боимся"

10 марта вечером поступает победная репликация. Знакомый член правления сообщает по телефону:

– Володя, если у вас есть что выпить, вы можете это сделать. По этому случаю можете разрешить немножко и Ирочке. Правление большинством, правда, всего в один голос (четыре против трех) проголосовало за вас. Турганов сказал: "Ну вот был бы Кулешов, и результат голосования выглядел бы иначе". Но мы добились главного: завтра правление будет докладывать точку зрения большинства.

Откровенно говоря, какую точку будет докладывать правление, меня мало интересовало.

Я был уверен, что собрание – а решать вопросы распределения жилья правомочно только оно – будет на моей стороне. Тут уж в силу вступит и моральный фактор, то есть нечто такое, чему мой соперник напрасно не придает никакого значения.

Но того же 10 марта автору этих строк передали слова жены писателя Воробьева. "Мы, – сказала она, – конечно, всей душой за Войновича, но голосовать будем так, как захочет Иванько, потому что мы его боимся".

Утром 11 марта перед собранием кто-то предложил Иванько отступить. "Нет, – сказал он, – эту квартиру я

Войновичу уступить не могу. У меня это единственный шанс и я его не упусти”.

Он, похоже, не сомневался, что решение вопроса зависит только от его воли.

Первое поражение уважаемого

И вот собрание. Обсуждаются текущие вопросы. Состояние финансов, озеленение двора, уточнение списка очередников и т. д. Наконец, переходят к тому, ради чего, собственно, и собрались. Председатель собрания сообщает: прошлый раз, учитывая нужду Войновича в улучшении жилищных условий, следуя принципу очередности и т. д. и т. п. собрание решило предоставить ему первую освободившуюся двухкомнатную квартиру. Поскольку теперь такая квартира есть, правление считает, что во исполнение предыдущего решения она и должна быть предоставлена Войновичу. Есть ли у кого возражения?

— Есть! — уважаемый конкурент поднимает ручку. Он поднимает ее несколько странным образом — все пальцы согнуты и только один высовывается эдаким пренебрежительно-вялым крючком.

— Пожалуйста. — Председатель всем своим видом выражает полное расположение к нашему уважаемому Сергею Сергеевичу.

Уважаемый объясняет лениво, понимая, что это пустая формальность, вроде предвыборной речи. У него трехкомнатная квартира, но две комнаты смежные, а одна маленькая, поэтому ему нужна еще одна комната. Как раз есть возможность отделить комнату от квартиры 66 и присоединить к его квартире. Тут выступал один товарищ и говорил, что 13 лет ждет возможности улучшить свои условия. Что ж, и ему теперь ждать тринадцать лет? Что? Нельзя ломать капитальную стену? Он не сомневается, что разрешение на это будет им получено. Есть возражения, что его квартира превысит законные нормы, пусть и об этом товарищи не беспокоятся, в соответствующих инстанциях, — произвольное

движение пальца по направлению к потолку, – все будет согласовано. В подтексте: ваше дело – только поднять конечности, а дальше уж и без вас как-нибудь разберутся.

Председатель собрания – весь вполнение объективности – просит голосовать: кто за то, чтобы предоставить квартиру Войновичу? Кто против? За – 75, против три: сам уважаемый (опять держит указательный палец крючком), Бажова и еще одна дама, которая разволновавшись, как подняла руку ”за”, так и не опустила ее, когда голосовали ”против”. Турганов дернул рукой: – Я воздерживаюсь.

После этого началась небольшая склока, которую я бы не стал пересказывать, если бы она не была связана с еще одним штрихом к портрету нашего героя. Выступили некоторые из присутствующих и стали выражать свое удивление по поводу происходящего. И стали говорить, что кое-кто из членов правления, председатель кооператива и председатель ревизионной комиссии ведут себя слишком странно и не стоит ли их на следующем собрании переизбрать. С мест раздались выкрики, мол, зачем же на следующем, когда можно сейчас. Создалась, по мнению Турганова, совсем уж нездоровая обстановка. И тут вновь на сцене появился наш уважаемый обожаемый и сообщил, что в такой нездоровой обстановке работать не желает и заявляет о своем выходе из правления.

– Я не хочу участвовать в ваших дрызгах, – сказал он.

Рыданий по этому поводу не было, были аплодисменты. С безумным видом и шапкой в руках ринулся на подмостки переводчик Козловский. Он не понимает, чему здесь аплодируют, считает восторг по поводу выхода Сергея Сергеевича из правления неуместным и в знак протеста покидает ревизионную комиссию. И это заявление было встречено аплодисментами. С трясущейся губой поднялся наш Председатель. Начали было аплодировать и ему, но, как выяснилось, поспешили. Оказывается, он покидать свое место не хочет. Он хочет остаться Фигурой в масштабе района. Товарищи, может быть, не знают, но он очень много времени тратит на работу в кооперативе. У него есть красная тетрадь. В ней подробно отражена вся его деятельность. В следующий

раз он эту тетрадь обязательно принесет и покажет товарищам. Владимир Николаевич (нижайший поклон в мою сторону) напрасно беспокоится. Раз такова воля собрания, то он, председатель, обязан и будет ее выполнять. Он приложит все силы, чтобы принятое решение было проведено в жизнь без проволочек.

На этом собрание было закончено. Покидая его, я столкнулся в коридоре со своим побежденным соперником. Вид у нашего уважаемого обожаемого был жалкий, растерянный. На лице ничего, кроме страдания. Еще бы! Только что он потерпел полное фиаско. Ему же не просто не дали, чего он хотел. Ему в лицо плюнули, его не признали достаточно большим человеком. И вот ведь что еще странно: ни один из его клеветов — ни Бунина, ни Кулешов, ни Козловский — не подняли руку в его защиту. Почему? А потому что своя рубашка ближе к телу. Они за уважаемого только до тех пор, пока сила на его стороне. Чуть уважаемый качнулся, они — в кусты. Кроме того, они реалисты, они понимают — три-четыре голоса лишних ничего не решат. Надо затаиться, выждать и потом нанести удар. Кому? Смотря по обстоятельствам. А вдруг с уважаемым что-то случится, и у него не будет врагов страшнее. А если с ним ничего не случится, то друзья остаются друзьями.

Таким образом, Иванько потерпел поражение и вы, читатель, вероятно, полагаете, что на этом конец всей истории. Но вы же видите, что это не последняя страница нашего повествования. Значит, было что-то еще? Что именно? Получение ордера, радостный переезд и шумное новоселье? Ради описания таких заурядных личных торжеств автор не стал бы тратить время свое и ваше. Описанное выше только одна часть истории. Первая часть. Вторая часть будет поинтереснее, ради нее и написана первая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

"Они у меня попляшут"

Часть вторая хронологически начинается сразу после первой без всякого промежутка. Только что кончилось собрание. Возбужденные его результатами пайщики высыпали в освещенный весенним сиянием двор и роились там отдельными кучками, обсуждая происшедшее событие с разных сторон. Не спешил домой и наш уважаемый. Он стоял посреди двора, окруженный своими клеветами. Заложив руки за спину и подрагивая правой ногой, он сказал громко, желая быть услышанным всеми:

— Ничего, я им это дело поломаю. Они у меня еще попляшут.

"Они", как вы понимаете, это жильцы нашего дома, пайщики ЖСК "Московский писатель". То есть довольно большая группа людей, которая, когда нужно, называется коллективом. В условиях нашей системы коллектив — это чуть ли не святая святых. Будь собрание на стороне Иванько, он бы в своих дальнейших усилиях это обстоятельство непременно использовал. Он опирался бы на мнение коллектива, он поднимал бы авторитет коллектива, он призывал бы уважать коллектив. Но коллектив, голосующий против него, это уже не коллектив, а "они", которых он намерен превратить в ансамбль песни и пляски.

Вышесказанные слова Иванько немедленно распространились по двору и достигли ушей автора настоящих записок. Но находясь в состоянии понятного благодушия, автор не придал этим словам никакого значения. Мало ли чего человек не скажет в запале...

Встреча с пророком

Между прочим, в тот день, 11 марта, как уже было отмечено выше, стояла хорошая солнечная погода. И автор этих строк решил прогуляться по солнышку. И встретил во

дворе того самого пайщика, который в начале нашего рассказа предрекал (помните?): "Вы эту квартиру получите, но с очень большим трудом".

— Вы человек умный и даже почти пророк, — сказал при встрече автор этому пайщику. — Объясните мне, пожалуйста, на что рассчитывал наш уважаемый? Ведь он, говорят, неглуп. Он же мог понять, что на сочувствие собрания ему надеяться нечего.

— Вы ошибаетесь! — горячо возразил автору собеседник. — Он ничего понять не мог. Он привык, что собрания проводят по заранее написанным нотам. Все решается в подготовительной стадии, а собрание это уже просто торжественный парад: приняли, постановили, поддержали, одобрили. Впрочем, для него борьба еще не окончена. Если вы согласны с тем, что я пророк, запишите еще одно мое предсказание. Слова Иванько, что еще все попляшут, отнюдь не пустая угроза. Он вам еще крови на этом деле попортит немало, вот увидите.

Добрый совет

Как в воду глядел.

Проходит несколько дней, встречаю во дворе... кого бы вы думали? Ну, конечно, Козловского.

— Старик, — припадает он к моему левому уху, — ты знаешь, где я был?

— Ну давай, не томи, добивай сразу.

— Старик, я был у Мелентьева.

— Неужели тебе удалось достигнуть таких вершин? Ты видел живого Мелентьева! Дай я тебя хоть пощупаю.

— Старик, не трогай, я боюсь щекотки. Ты знаешь, что мне сказал Мелентьев? Он сказал: "Передай Войновичу, что он эту квартиру ни за что не получит".

— О, боже! Сам Мелентьев! Так и сказал: "Передай Войновичу?.." Значит, он знает вообще, что я существую! Сам Мелентьев... С такой высоты!

Козловский огорчен.

— Ты, старик, я вижу, человек не серьезный. Послушай доброго совета: не валяй дурака, соглашайся на квартиру Бажовой, пока дают. Или вот что. Знаешь, что бы сделал я на твоём месте? Я на твоём месте — он оживляется, словно на него вдруг нашло озарение, — позвонил бы Иванько.

— А я бы на твоём месте, знаешь, что сделал? Для начала я перестал бы быть холуем при Иванько.

— Ах вот как! Ну смотри... Я тебе все сказал.

Потом он кому-то сказал:

— Про меня говорят, что я холуй при Иванько. А мне Иванько не нужен, у меня есть Расул Гамзатов.

— Яшка, — встретив Козловского, сказал ему один человек, — почему ты так усердно действуешь против Войновича? Ведь когда речь шла о квартире, которую получил Липатов, ты звонил по всем телефонам, говорил, что Войнович замечательный¹ писатель и что если мы не дадим квартиру ему, ты напишешь письмо прокурору.

— Да, говорил, потому что я хотел насолить Воробьихе...

Новые фигуры

Проходит еще день-другой и тот же Козловский разносит по двору новый слух. Председатель Госкомиздата Стукалин написал письмо председателю Моссовета Промыслову и тот наложил благоприятную для Иванько резолюцию. Будет новое собрание, на котором в пользу Иванько выступит Симонов. Симонов сейчас отдыхает в Крыму, но к собранию непременно вернется. Представляете, введены в действие такие фигуры! Это уже не в масштабе района, это повыше. Если события и дальше будут развиваться в том же направлении, то страшно даже подумать до как верхов мы доберемся.

¹Мне неловко повторять этот эпитет, но я делаю это не из хвастовства, а для характеристики Козловского.

Читайте классику

Проходят две недели после собрания, с каждым днем распространяются все более зловещие слухи, а квартира стоит запечатанная, я ходил, я видел, там висит приклеенная полоска бумаги с круглой печатью домоуправления. Бумажка эта никакой законной силы не имеет, но при общем почтении к печатям, лучше ее не трогать. Но ведь прошло две недели, и Кленов-Купершток получил уже, говорят, квартиру с видом на Стену Плача, а что же происходит у нас? Почему мне не дают ключей, почему не вручают ордер в торжественной обстановке? Можно и в газете дать небольшую заметку о наших достижениях: вот, мол, еще одна семья справила новоселье. А ордер не дают, потому что решение собрания еще не утверждено райисполкомом. А райисполком может и рад бы (не рад, как мы увидим), но утверждать ему нечего, документы еще не представлены. Почему же они не представлены? У кого бы узнать? Ба, да вот же он Председатель собственной персоной передвигается вдоль двора с большим портфелем под мышкой. Демократично переставляет ноги, как простой смертный и при этом – не поверите – без всякой охраны. Запросто к нему можно приблизиться.

– Борис Александрович, что ж это происходит? Неужели до сих пор нельзя было оформить бумаги?

Борис Александрович прямо трясется от праведного негодования. Нет, не по адресу назойливого просителя, а по адресу нерадивых работников домоуправления.

– Вы понимаете, для перепечатки документов нужна машинка с большой кареткой, а они эту машинку достать не могут. Безобразие! А потом все валят на Председателя. Председатель во всем у них виноват. Председатель им и машинку должен достать. Сами не могут.

Давайте посмотрим в глаза Председателю. Что в них, за стеклами очков? Нет, кажется, все в порядке. Как сказал поэт: "Глаза его не лгут. / Они правдиво говорят, / Что их владелец плут."

Правду сказать, я человек бесхитростный. Во всяком

случае кажусь таковым самому себе. Но.

На мое счастье, накануне, чтобы успокоиться, я перечитывал *Дубровского*. И набрел на то место, где заседатель Шабашкин прислал Андрею Гавриловичу "приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения селцом Кистеневкою". Старик, как известно, будучи уверен в своих правах, ответил довольно грубым письмом. Казалось бы Шабашкин должен был оскорбиться. Ан нет. "Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел во 1) что Дубровский мало знает толку в делах, во 2) что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение".

Прочтя это место, я поразился, насколько описанная ситуация подходит к нашей истории. И подумал, что попал в положение старика Дубровского тем же примерно характером. Я тоже во-первых мало знаю толку в делах и во-вторых горячусь и бываю неосмотрителен. И это при том, что против меня действует не один, а целая шайка Шабашкиных. И я подумал: ведь должна же нас литература чему-то учить. И хоть один практический урок из нее надо извлечь. Нет уж, господа Шабашкины, я постараюсь не повторить ошибок Андрея Гавриловича. Я буду сдержан и хладнокровен. Я не буду действовать по первому импульсу. Я буду действовать обдуманно и расчетливо и если уж вы взяли своим оружием хитрость, я стану хитрее вас.

– Борис Александрович, – говорю я, – Кленов, как вы знаете, уезжая, внес, как это полагается ремстройконторе деньги за ремонт квартиры.

– Да, да, – согласно наклоняет голову Председатель.

– Так вот, пока ваши подчиненные ищут машинку с большой кареткой, зачем же квартире простаивать? Мне кажется, даже независимо от того, кому она достанется, следует обратиться в контору, пусть присылают рабочих и начинают ремонт.

– Этими вопросами я не занимаюсь, – говорит Председатель брезгливо, – этим занимается управдом.

Да, и правда, как я мог подумать, что он, Председа-

тель станет опускаться до таких мелочей.

Полковник Емышев

Заглянем в контору. Там за столом сидит управдом Михаил Федорович Емышев, коммунист с 1932 года. Иногда он говорит – с тридцать третьего, но при таком большом стаже можно и сбиться со счета. Обращаюсь к нему по имени-отчеству, объясняю: машинка с большой кареткой... Кленов... деньги... ремстройконтора. Вместо ответа, он в сжатом виде начинает мне рассказывать свою биографию:

– Ты пойми, Владимир, я – полковник. У меня пенсия двести рублей. Мне эти ваши дела не нужны, кто тут чего. Я свои сто двадцать рублей кроме пенсии всегда зарабатываю. Я член пратии с тридцать первого года...

Это, конечно, очень похвально, но я все же напоминаю ему о цели своего визита. Деньги.. Кленов... ремстройконтора. Он морщится, опять я с этими мелочами.

– Да ты ж, пойми, я – полковник...

– Я понял, Михаил Федорович, я оценил. Мы должны беречь и умножать боевую славу наших отцов, но я к вам сейчас по поводу ремстройконторы. Дело в том, что Кленов, уезжая, оплатил ремонт квартиры, так нельзя ли им туда позвонить, чтобы прислали рабочих?

– Нет, ты меня не понял...

– Понял, понял. Так и вижу вас с тремя звездами на погонах, под знаменем, опаленным огнями сражений... Не болят ли к дождю старые раны?

– Чего?

– Да я все насчет ремонта. У вас, наверное, наряд есть на ремонт. Вон в этом ящике, откройте его. Да вот же он, наряд, вот он. Я понимаю, боевые воспоминания нахлынули, взор затуманен, неплохо бы похмелиться, но ничего не поделаешь, раз партия доверила вам этот высокий пост, нужно работать.

Экс-полковник медлит, не зная, что делать. Мирные будни бывают иногда труднее горячих сражений. Он достает

из ящика наряд, кладет его на стол, потом опять в ящик, потом опять на стол, набирает номер телефона Турганова, тот не отвечает.

— Ты пойми, — вздыхает управдом, — я свои сто двадцать рублей везде заработаю.

— Все правильно, — соглашаюсь я, — но заработайте их сначала здесь. Дайте наряд... Да не держите, а то порвем. Важный все-таки документ. Так, что нам нужно посмотреть? Номер наряда, номер счета, номер телефона, адрес конторы. Ну вот. Теперь я поеду в эту контору, договорюсь насчет ремонта. Привет!

В этот раз мне так и не удалось дослушать до конца славную биографию нашего управдома.

Коварный замысел

Вы поняли, почему я так заботился о ремонте? Ну, во-первых, для того, конечно, чтоб что-то покамест делалось. Во-вторых, я разработал стратегический план, который вам станет ясен впоследствии.

Описывать свои злоключения в ремстройконторе не буду, они знакомы каждому. Сначала затерялся наряд, потом выяснилось, что клеевую окраску делает только один маляр, а его нет, он сейчас работает где-то на улице Горького и сколько еще там провозится неизвестно — может неделю, а может и месяц.

— Ждите, — говорят.

Ждать-то нам не впервой, но время, как говорится, не ждет. Слухи что ни день, то тревожнее. Во дворе, кажется, ни о чем другом не говорят, как об этой квартирной склоке. Только и слышно: Стукалин, Промыслов, Мелентьев, Иванько... ну, и мою фамилию иногда в таком почетном ряду упоминают.

Расположенные ко мне члены правления советуют сходить к Ильину.

— При чем здесь Ильин? — спрашиваю. — Почему вы сами не можете высказаться со всей определенностью?

Опять смотрят на меня, как на ненормального.

— Ты что не понимаешь?

Не понимаю.

Но делать нечего. Надеялся я, что никогда больше не переступлю этого порога, да вот поди ж ты...

Генерал Ильин

Итак, представим читателю еще одного участника нашей драмы. Ильин Виктор Николаевич, секретарь Московского отделения Союза писателей по организационным вопросам, генерал-лейтенант госбезопасности, заслуженный работник культуры РСФСР. Участник гражданской войны. Служба в "органах" отмечена орденами, почетным оружием и 10 годами заключения (по его словам, отказался дать показания против своего друга). Заслуги в области культуры давние.

— Я с писателями работаю с двадцать четвертого года, — говорит он.

Теперь, как большинство работников карательных служб, сентиментален.

— Вы слышали: умер Игорь Чекин, мой ровесник. Подходит очередь нашего поколения. Как сказал Олеша: снаряды рвутся где-то рядом. — И за стеклами очков в золотой оправе скупая мужская слеза.

Иногда показывает пожелтевшую фотографию двух малышей с бантиками: вот какими он их оставил, уходя "туда". Он мог бы их не оставлять, если бы согласился стать предателем. Как ни странно, он вспоминает эту историю тогда, когда вымогает от собеседника именно предательства.

— Вот если бы вы были честным человеком, вы сказали бы, кто дал подписать вам это письмо. — Но тут же и отступает. — Нет, нет, я на этом не настаиваю. — А немного погодя и совсем наоборот. — Обратите внимание, я не спрашиваю, кто дал подписать вам это письмо.

Однажды, подыгрывая ему, я сказал:

– Виктор Николаевич, но ведь вы в свое время тоже не поверили в виновность какого-то человека и даже пострадали за него.

– Так это же был мой друг, – сказал он взволнованно.
– Я его хорошо знал.

С теми, кого знал недостаточно хорошо, он поступал иначе.

В лагере, говорят, вел себя прилично. После освобождения трудился где-то на стройке, потом вернулся к работе с писателями. Охотно выполняет бытовые просьбы. Если вам надо установить телефон, устроить родственника в больницу, записаться в гаражный кооператив, получить место на кладбище, идите к нему. Он куда надо позвонит, напишет толковое письмо (он в этих делах понимает). Но если ему прикажут убить вас, убьет.

– Я всегда был верен партии, таким и сдохну, – это его слова.

Его представления о литературе вполне примитивны, но он себя и не выдает за знатока. А вот уж что касается следственной части, тут он профессионал (и, думаю, это самый большой комплимент, который он хотел бы услышать). К своим следственным обязанностям он относится отнюдь не формально. Он думает, изобретает, как бы похитрее заманить вас в ловушку, подставить под удар, использовать вашу ошибку. Он играет с вами, как сытый кот с мышью, когда не только результат, но и процесс игры важен. При этом, он может не испытывать к вам никакой вражды или может даже симпатизировать вам, это не имеет никакого значения и никак не отражается на его действиях по отношению к вам. У него есть свои достоинства. Вы можете на него накричать, он не обидится (хотя в интересах дела может сделать вид, что обиделся), вы можете ему льстить, он не поверит. Он еще немножко актер и его отношение к вам в данный момент ничего не значит. И если он проходит мимо вас не здороваясь или наоборот кидается в объятия, не обращайтесь внимания, просто он хочет произвести на вас определенное впечатление. На самом деле, не здороваясь, он на вас не сердится, а обнимая, он вас не

любит. Но главное впечатление, которое он хочет на вас произвести всегда, это, что теперь, когда идеалы ставятся невысоко, может быть, он и чудак, но он служит партии и только ей, и ради нее готов сидеть хоть в кабинете секретаря Союза писателей, хоть в тюремной камере. Про него говорят, что он держит слово. Это не совсем так. Держать слово не всегда входит в его планы, не всегда под силу ему, специфика его работы не позволяет ему не давать пустых обещаний, но когда он что-то пообещал, смог выполнить и выполнил, он бывает явно доволен и выражения благодарности принимает охотно...

Воспоминания...

Итак, кабинет Ильина.

Начиная с 1968 года мне здесь неоднократно объясняли, что я поставил свое перо на службу каким-то разведкам и международной реакции, напоминали высказывание основоположника социалистического реализма: "Если враг не сдается, его уничтожают". Здесь меня допрашивали и сам хозяин кабинета, и комиссия, созданная для расследования моей деятельности (можно гордиться — такой чести не каждого удостоивали), и секретариат в полном составе. Здесь происходили (да и сейчас происходят) сцены, достойные пера Кафки и Орвелла. Здесь писатель Тельпугов сказал по поводу "Чонкина" так:

— Этим произведением не мы должны заниматься, а соответствующие органы. Я сам буду ходатайствовать перед всеми инстанциями, чтобы автор понес наказание. Неважно, как оно попало за границу. Если б оно даже никуда не попало, а было только написано и лежало в столе... Если б оно даже не было написано, а только задумано...

Вот как ужаснул его мой скромный замысел. Но его собственный замысел посадить в тюрьму человека только за то, что он задумал какое-то сочинение, пусть нехорошее, но даже не написал, не ужаснул никого из свидетелей этого разговора. Напротив, они кивали головами, да, правильно.

И размышления

Я часто думал, почему в Союзе писателей так много бывших (и не только бывших) работников карательных служб. И понял: потому что они действительно писатели. Сколько ими создано сюжетов, высосанных из пальца! И каких сюжетов! Подрывные организации, распространившиеся по всей стране. Многочисленные связи с иностранными разведками. С фашистскими, троцкистскими, сионистскими и прочими центрами. Портативные передатчики, бесшумные пистолеты, чемоданы с двойным дном, шифры, явки, адреса, валюта, секс, порнография, убийства из-за угла, подкуп, шантаж, цианистый калий, диверсии и провокации... Сколько всего напридумано ими, неизвестными следователями соответствующих органов. Возьмите хотя бы знаменитую теперь стенограмму процесса Бухарина и других. Не относитесь к ней как к документу, ибо это не документ, не думайте о методах следствия, о том, почему Крестинский давал сперва одни показания, потом другие, относитесь к ней, как к художественному произведению. И вы согласитесь, что до сих пор в мировой литературе ничего подобного не читали. Какие выпуклые характеры. Какой грандиозный сюжет, как все в нем сцеплено и взаимосвязано. Жаль только, что действующими лицами были живые люди, а так что ж, почитать бы можно.

В кабинете

Ильин встретил меня настороженно, стул предложил, но руки не подал. И не удивительно. Только что здесь был Коржавин. Просил характеристику для выезда в Израиль. Может, и я за тем же. Но узнав, что я всего лишь по квартирному делу, он просто расцвел и стал говорить мне "ты" в знак полного расположения.

— Ну что ты беспокоишься, — сказал он. — Собрание решило в твою пользу, значит все в порядке. Ну конечно,

возможно, Мелентьев будет использовать свои связи и защищать Иванько, но из этого у них ничего не выйдет. Кто это Турганов? Это переводчик с украинского? Ну что ты. Пока беспокоиться нечего. Вот когда тебе откажут, тогда мы обратимся в райисполком.

Затем он посетовал, что я далеко стою от организации, передал привет моей жене и просил успокоить ее.

— Ей, — сказал он, — в ее положении нельзя волноваться.

Разговор по телефону

Если бы Председателя Турганова, как президента Никсона, заставили представить магнитофонные ленты с записями разговоров по поводу квартиры 6б, то среди них мы непременно обнаружили бы ту, в которой содержался разговор, состоявшийся по телефону 3 апреля 1973 года между Председателем и автором этих строк. Вот его не дословная, но более или менее точная запись.

— Борис Александрович, я слышал, что завтра в райисполкоме будет утверждаться протокол собрания от 11 марта.

— Да, да.

— И значит, вопрос по поводу моей квартиры там тоже будет утверждаться?

— Нет, ваш вопрос завтра решаться не будет. Он будет разбираться отдельно.

— Почему отдельно?

— А это мне неизвестно.

— Борис Александрович, вы уж, пожалуйста, извините, если что не так, но мне кажется вы забыли о своем обещании и опять занимаетесь махинациями.

— Владимир Николаевич, в таком тоне я с собой разговаривать не позволю.

— Борис Александрович, мне трудно с вами разговаривать в другом тоне. Мне кажется странным, что вы, считая себя человеком неглупым, не понимаете, что в конце концов вас просто выгонят из председа...

Обрыв разговора, частые гудки: ту-ту-ту-ту.

Магнитофон хорош тем, что сохраняет не только слова, но и интонацию, которая иногда усиливает и подчеркивает сказанное, иногда придает словам обратный смысл. На прослушанной нами пленке две основных интонации, сначала злорадство, переходящее в ликование, затем благородное негодование.

Инспектор Бударин

Теперь обратимся к районному инспектору по кооперативам товарищу Бударину. Конечно, он нам скажет, что сегодня не приемный день и справки не выдаются. Но если мы проявим неможко настойчивости...

— Да, завтра будут разбираться другие дела. Ваше не будет.

Резолюция товарища Промыслова

Тем не менее завтра, 4 апреля, пишущий эти строки решил посетить райисполком и лично убедиться, что его дело не будет рассмотрено. И вот мы идем втроем: управдом Емышев, один из членов правления и ваш покорный слуга.

По дороге управдом, видя во мне благодарного слушателя, рассказывает:

— Ты пойми... Как тебя... Владимир, да? Ты пойми, я член партии с 32 года, я — полковник. У меня орденов во (проводит рукой ниже пояса). У меня пенсия 200 рублей. А здесь я получаю сто восемнадцать. Да я эти деньги везде зарабатываю. Зачем же мне разбирать эту грязь? По мне хоть вы все живите в пятикомнатных квартирах. Я же полковник...

Пришли в исполком. Говорят, надо обождать. Ждем.

— Ты пойми, — внушает управдом, — про меня говорят, что я дружок Турганова. А я ему не дружок. Я — полковник. У меня пенсия двести рублей. Я работал в научно-исследовательском институте заместителем директора. Директор академик Юдаев, а я заместитель. А вот пришлось

уйти. Мне платили сто двадцать, а потом прибавили еще шестьдесят. Пришлось уйти.

– Почему? – удивился я. – Ведь хорошо, что прибавили.

– Да нет, ты пойми, Владимир. Я полковник. У меня пенсия двести рублей. А еще я могу получать сто двадцать.

– Ну так сто двадцать все равно остается.

– Не понимаешь, – огорчается управдом. – Я член партии с тридцать второго года. Значит, мне плотют пенсии сто двадцать, а партвзносы берут за все сто восемьдесят.

– Так это ж прекрасно! – говорю я.

– Чего же прекрасного? – недоумевает бывший полковник. – Я ж тебе говорю плотют сто двадцать, а берут со ста восьмидесяти.

– Вот именно. Я об этом и говорю. У вас есть реальная возможность помочь партии, отблагодарить ее за все, что она для вас сделала, за то, что подняла вас из низов... Ведь из низов?

– Ну!

– Партия из низов подняла вас до таких вершин, а вам жалко переплатить ей несколько рублей. Вот уж от вас, Михаил Федорович, никак не ожидал. Если б вы были молодой коммунист, но с таким стажем...

Я не успел убедить собеседника, потому что появился инспектор Бударин и пригласил управдома и члена правления на заседание.

Я, как лицо постороннее, остаюсь. Хожу по коридору, думаю. Ну как могут они отказать, если у них нет для этого никаких оснований? Ну что они могут придумать?

Выходит член правления и по лицу его сразу видно – отказали.

– Не отказали, – говорит он, – а отложили.

Оказывается, Козловский не врал: у них действительно есть письмо Стукалина и есть резолюция Промыслова. Что написано в письме Стукалина я не знаю (управдом говорит: в нем перечисляются заслуги Иванько). Резолюция Промыслова гораздо короче и поэтому мне ее передали дословно: "Прошу рассмотреть и помочь". Райсполком в

безвыходном положении.

— У нас нет оснований отказать Войновичу, но мы не можем отмахнуться от резолюции Промыслова.

Положение и правда похоже на безвыходное. Не могут отказать Войновичу, не могут удовлетворить Иванько и не могут отмахнуться от Промыслова.

— А нельзя ли, — спрашиваю я в простоте душевной, — не отмахиваясь от Промыслова, написать ему вежливо, что исполнить его просьбу нет никакой возможности, потому что...

На меня смотрят как на идиота. Больше того, как на злонамеренную личность. Разве можно самому товарищу Промыслову так отвечать? Да и товарищ Иванько, как видно, тоже крупный деятель. Каждый день звонят из разных инстанций. Из издательства "Планета", из издательства "Мысль", какой-то Пирогов звонил из горкома.

"Намекните, что вы не еврей"

Понимаете, что получается? С одной стороны наш уважаемый Сергей Сергеевич Иванько, крупный государственный деятель, писатель, а с другой стороны некий Войнович, муж беременной жены.

И вот что нитересно, так говорят не только мои противники, но и мои сторонники тоже. Они меня все время учат:

— Тише, тише, вы все не так делаете, вы нам только мешаете, вы уж лучше помолчите.

Они считают, что все надо делать тихой сапой. Надо бороться с Тургановым и ни в коем случае не трогать Иванько. Перед Иванько надо только расшаркиваться.

— Мы, конечно, понимаем, что уважаемому Сергею Сергеевичу очень нужно, и мы с удовольствием, но...

И дальше следует довод, что у Войновича жена на таком-то месяце.

Однажды я рассердился:

— Почему вы меня так странно все-таки защищаете?

Почему вы никому не скажете, что для вас я тоже какой-никакой, а писатель?

Смотрят на меня, разводят руками. Дурак, что ли? Не понимает. Вроде защищать меня принципиально, значит расписаться в собственной неблагонадежности. Почему? Я ведь не лишен гражданских прав, не исключен из Союза писателей¹, у меня только что вышли одновременно две книги (причем одна в "Политиздате"), что само по себе является признаком лояльности. Но даже при всем при этом они в мою защиту не могут привести ни одного аргумента, кроме беременности жены.

Сторонники уважаемого в выражениях не стесняются. Иванько крупный государственный деятель, крупный писатель. Войнович антисоветчик, подписант, растреленная личность, еврей (последнего, правда, прямо не говорят, но намекают довольно прозрачно). Мои сторонники всего этого как бы не слышат.

— Да, но вы поймите, у него жена в положении.

Пишу в какую-то инстанцию письмо. Показываю одному из своих доброжелателей, вижу он недоволен.

— Ну зачем вы пишете в требовательном тоне? Просите. Расскажите, что вы из рабочих, что вы написали песню космонавтов, напишите, что жена в положении, и, мне это неудобно вам говорить, но намекайте им как-нибудь, что вы не еврей.

Я злюсь.

— Почему я должен у кого-то просить свою же квартиру? Не хочу писать, что я из рабочих, не хочу писать про космонавтов, не хочу писать, что не еврей. Хочу получить квартиру независимо от того подписал ли я какое-то письмо или написал какое-то идейно-выдержанное сочинение.

— Ну вот видите, мы же искренне хотим вам помочь, а вы нам все портите. В конце концов вам важен принцип или квартира?

(Только один человек впоследствии согласился, что

¹ В то время.

важен и принцип, но о нем ниже.)

А между тем, если бы хоть один из членов правления с самого начала совершенно определенно заявил, что притязания Иванько незаконны и не могут быть удовлетворены, я уверен, что всей этой истории не было бы (правда, при этом я лишился бы столь богатого материала).

Где печатался Солженицын?

И вот что я думаю. Принимая правила игры, навязанные тургановыми и иванько, не содействуем ли мы сами произволу во многих областях нашей жизни?

Вот мне рассказывают: писатель Х. был на приеме у кандидата в члены Политбюро. На вопрос кандидата о положении в литературе сказал, что положение неважное. Как так? А вот так. Писатель что-то пытался объяснить. Его собеседник крайне удивлен. К нему ходят столько писателей, но почему же они ничего подобного не говорят?

Конечно, собеседник писателя мог бы и сам кое о чем догадываться, но ему же действительно никто ничего не говорит. (Обычно говорят, что вообще-то все хорошо и даже замечательно, и для писателей в нашей стране, как ни в какой другой, созданы все условия, но есть отдельные недостатки — например, книжку посетителя не издадут почему-то).

Вот мне рассказывает поклонник Солженицына. В тот вечер, когда его любимого писателя арестовали, рассказчик ехал в компании своих коллег на такси по Садовому кольцу. Узнав, что пассажиры — писатели, шофер стал спрашивать о Солженицыне. Пассажиры очень хотели просветить рядового читателя.

— Но, — говорит мне рассказчик, — и мы же не можем сказать ему прямо. Мы намекаем. Я говорю: Солженицын? Да, был такой писатель. Где он печатался? Точно сказать не могу. — Оборачиваюсь к одному из своих спутников. — Вы не помните, где печатался Солженицын? Кажется, в каком-то журнале. Он тоже делает озабоченное лицо, морщит лоб:

”Да, по-моему, в ”Новом мире”.

Поклонник Солженицына явно ждет моего одобрения.

Я говорю:

-- А почему вы не могли сказать, пусть даже без всякой своей оценки то, что вы знаете. Что Солженицын печатался в *Новом мире*, что *Иван Денисович* вышел в роман-газете и отдельной книгой, был представлен на Ленинскую премию.

– Ну как же можно?

– Так. Это вам даже ничем не грозило. Вот вы ругаете кого-то, кто выступает с лживой статьей в газете, а сами что делаете? Из ваших слов шофер мог сделать только один вывод: Солженицын никому не известен, даже писатели не знают толком, что он написал и где печатался. Уж лучше б вы вообще ему ничего не говорили.

Директивная радуга

Итак, что же происходит? Если назвать это дело своими словами, происходит чистейшая уголовщина. Один обещает взятку лицам, которые помогут ему незаконно расширить квартиру, а те в свою очередь пытаются всучить ему взятку за издание своих сочинений. Но обычно хотя бы дающий взятку несет при этом материальный урон, здесь же при взаимном обмене взятками все остаются с прибылью. Потому что *Иванько* предлагает взятку из государственного кармана, а его контрагенты взамен суют ему квартиру, которая им не принадлежит. Взятничество в нашей стране считается одним из тягчайших преступлений, за которое смертную казнь дают сплошь и рядом. Во взятничестве кого только не обвиняют. Ю. Феофанов, например, в одном из своих фельетонов утверждал, что десятка, взятая продавщицей сверх обозначенной цены за проданный ”налево” товар, есть взятка. Но ведь та продавщица тайком свои десятки брала. Она боялась. А эти-то никого не боятся. Они ни от кого не скрывают что делают, для чего и какими средствами. Все происходит на глазах общественности и не какой-нибудь

а писательской. Где каждый может написать куда-то и напечатать. В нашем доме живут несколько известных сатириков. Сам великий Ленч живет в нашем доме. А ну как разозлится да бабахнет фельетон в *Крокодиле!* А те большие начальники, которые вступились за уважаемого и таким образом способствуют совершению преступления, может, они недостаточно информированы? Попробуем представить, как это могло произойти. Пришел, допустим, наш уважаемый к своему министру и изложил свое положение, так, мол, и так, есть возможность мне улучшить свои условия, в доме появилась свободная площадь и руководство кооператива не против, но нужно ходатайство с места работы. Министр знает уважаемого, как прекрасного работника и высоко ценит его литературный талант (произведение *Тайвань – исконная китайская земля* перечитывал многократно и с наслаждением). Отчего же в таком случае не выполнить столь пустяковую просьбу? Тем более, что вот и Юрий Серафимович Мелентьев тоже поддерживает.

– Что ж, – говорит министр, – составьте письмо, а я подпишу.

Теперь попробуем войти в положение товарища Промыслова. К нему подступает письмо. Письмо не от кого-нибудь, а от министра. Министр обращается с просьбой совсем ерундовой. Ценному работнику, члену КПСС, члену коллегии госкомитета, писателю Иванько нужна всего 1 (одна) комната в семнадцать с половиной квадратных метров. И это все? Смешно сказать, что такое для Промыслова комната в семнадцать с половиной квадратных метров. Для него, мэра одного из крупнейших городов мира, в котором миллионы комнат общей площадью в десятки миллионов квадратных метров. Да еще при нынешнем размахе жилищного строительства. А министр просит всего-навсего... Ради бога, сделайте одолжение. И мэр одного из крупнейших городов пишет: "Прошу рассмотреть и помочь". В подробности он не вдается. Не такое дело, чтобы вдаваться в подробности. Для подробностей есть товарищи нижестоящие. Правда, знатоки говорят, что эта резолюция ничего не значит, это отписка. Министру просто так не откажешь, и

Промыслов пишет: "Прошу рассмотреть и помочь". При более активной позиции он написал бы категоричнее. Например: "Разобраться и доложить!" И поставил бы в конце большой восклицательный знак. "Помочь" — означает: смотрите по обстоятельствам.

Другие знатоки говорят: важен не текст, а цвет карандаша. Допустим, резолюция красным карандашом означает приказ, синим — отписку. Но войдем и в положение товарища нижестоящего. Он, может, дальтоник, а, может, твердо не помнит, какой именно цвет директивный и подчиняется на всякий случай всем цветам радуги.

Из эпистолярного наследия автора

— Насчет Промыслова ничего сказать не могу, но Стукалин очень порядочный человек, — уверял автора этих строк один из ведущих инженеров человеческих душ. — Он, конечно, не знал всей подоплеки. Иванько воспользовался тем, что Борис Иванович, к сожалению, слишком мягок и доверчив.

Ну что ж, доверчивость это, кажется, тот недостаток, к которому даже основоположник нашего научного мировоззрения относился снисходительно. В таком случае не открыть ли нам глаза доверчивому Борису Ивановичу на одного из его ближайших соратников?

Ниже автор предлагает читателю два образца своего эпистолярного творчества.

**Председателю Государственного комитета
по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли Совета Министров СССР
тов. Стукалину Б. И.**

Уважаемый Борис Иванович!

Когда вы обращались к председателю Моссовета с просьбой помочь Вашему сотруднику Иванько, Вам, возможно, не были известны подлинные обстоятельства дела.

А они таковы... (излагаются обстоятельства дела)...

...Не имея никаких законных оснований для расширения своей квартиры, Иванько пытается достичь цели незаконными средствами. Наглость и беспринципность его поистине удивительны. Вот только некоторые факты.

Будучи членом правления кооператива на заседаниях правления он активно "проталкивал" свою кандидатуру, что само по себе неэтично (у нас не принято, чтобы члены правления участвовали в обсуждении собственных жилищных проблем).

На вопрос одного из членов правления не будет ли Иванько чувствовать себя неуютно в роскошной четырехкомнатной квартире, зная, что его товарищ, писатель, ютится с женой и ребенком в одной комнате, он ответил: "Через это я как раз могу переступить".

На следующем заседании правления он по поводу моих возражений сказал, "У нас в комитете ежедневно происходят сотни безобразий, но я же против них не протестую".

На собрании, отвергшем притязания Иванько, он демонстративно вышел из правления, а после собрания во всеуслышание заявил: "Я им это дело поломаю. Они у меня еще попляшут".

Среди жильцов нашего дома, писателей, распространяются слухи о всесильности и неуязвимости Иванько. Говорят, что он может вычеркнуть любую книгу из плана издания, может по своему усмотрению сократить или увеличить тираж. Может быть, сам Иванько к этим слухам никакого отношения не имеет? Но тогда на что же он опирается? В том-то и дело, что служебное положение Иванько является главным и единственным козырем в его бессовестной и грязной борьбе.

Дело это, Борис Иванович, некрасивое и, больше того, — скандальное. Поведением Иванько возмущен не только я и не только члены нашего кооператива. Им возмущена писательская общественность. Я надеюсь, что Ваше заступничество по отношению к Иванько объясняется только Вашей неосведомленностью.

Надеюсь также, что руководство и партийная органи-

зация комитета объективно разберутся в этом деле и воздадут по заслугам зарвавшемуся вымогателю.

Жду Вашего ответа в течение двухнедельного срока, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР "О порядке рассмотрения заявлений и жалоб трудящихся".

С уважением

(В. Войнович)

5 апреля 1973 г.

+++

Секретарю Союза писателей СССР
тов. Верченко Юрию Николаевичу

Уважаемый Юрий Николаевич!

Направляю Вам копию своего письма Председателю Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета министров СССР.

С. Иванько, о котором идет речь в письме, будучи недавно принят в Союз писателей, уже состоит в различных бюро, комиссиях и жюри. Изложенные мною факты дают, мне кажется, основание опасаться, не будет ли Иванько использовать свое общественное положение в корыстных целях так же, как он использует свое служебное положение.

Я прошу Секретариат Союза писателей СССР и Вас лично обратить внимание на деятельность т. Иванько и дать ей свою оценку.

С уважением

(В. Войнович)

8 апреля 1973 г.

Вторую копию я послал (да простит меня строгий читатель) секретарю парторганизации Госкомиздата Соловьеву.

Происшествие в солнечный день

Сергея Сергеевича разбудило солнце. Сквозь неплотную занавеску оно било прямо в глаза. Боже, неужели он проспал и опоздал на работу? Будильник, стоявший на стуле рядом с кроватью, его успокоил. Нет, кажется, все в порядке. Но откуда же солнце в такую рань? Он перевел взгляд с будильника на календарь и увидел, что уже середина апреля, значит, просто прибавился день. Все явления природы так легко объяснимы. Мелкие количественные изменения переходят в качественные — обыкновенный закон диалектики. Но если разобраться, то и качественные изменения тоже переходят в количественные. Это неплохая мысль и ее следовало бы записать. Кто знает, может она пригодится ему для его новой книги. Ведь он писатель, а писателю нужно писать книги, в конце концов это его долг и обязанность.

За завтраком он поделился новой мыслью с женой, и она восхитилась: как ново и как глубоко. И огорчилась в то же самое время.

— Это ужасно, — сказала она, — что тебе негде работать. Я жду с нетерпением, когда мы получим четвертую комнату, чтобы оборудовать тебе кабинет.

— Нет, — возразил он, — о кабинете пока не может быть даже и речи. Я хочу, чтобы в этой комнате был твой будуар. — Он даже смутился и неловко хихикнул, произнеся это нерусское слово.

Жена проявила непривычную настойчивость и они даже немного повздорили, но конфликт его настроения не испортил, поскольку это был конфликт прекрасного с еще более замечательным.

— А тебе не кажется, — спросила жена, — что мы делим шкуру неубитого медведя, что этот негодяй с беременной женой настроит против нас весь кооператив и они опять проголосуют против?

Сергей Сергеевич нахмурился. Откровенно говоря, высказанное женой опасение его самого беспокоило. Он сам много думал о своем конкуренте. Станный он человек, — думал Сергей Сергеевич. — Ну почему он упорствует?

Неужели он до сих пор не понял, что я значительное лицо и даже очень значительное? Отчего же он не хочет отдать мне комнату? У него же есть прекрасная отдельная однокомнатная квартира. Разве для незначительного лица этого мало? Ведь во время войны люди жили в гораздо худших условиях. Да и сейчас наша героическая молодежь на ударных стройках живет в землянках, в палатках и ничего, терпят...

— Можешь не беспокоиться, — сказал он жене. — Нам с нашими связями будет нетрудно урегулировать этот вопрос.

Он надел и наглухо застегнул серый плащ, натянул на уши шляпу с широкими прямыми полями и, стоя перед зеркалом, надул щеки и сузил глаза; так, ему казалось, он выглядит даже значительнее, чем обычно. Надутый, он спустился на лифте вниз и прошел мимо лифтерши, которая сидела с вязаньем у телефона. Она ему приветливо улыбнулась и сказала: "Доброе утро", он процедил ей: "Ссте" сквозь сжатые губы, не потому что плохо к ней относился, а потому что, по его мнению, ему неприлично было замечать людей столь низкого звания. У крыльца сверкала лаком и никелем его персональная черная "волга", шофер при появлении хозяина отложил газету и включил зажигание. Сергей Сергеевич плюхнулся на сиденье, небрежно хлопнул дверцей и слегка наклонил голову в шляпе, давая приказ шоферу: вперед! Машина ныряет под арку, выныривает на улице Черняховского, сворачивает на Красноармейскую, обогнув академию Жуковского, выскакивает на Ленинградский проспект. И вот несется она в общем потоке в сторону центра. Хозяин сидит, развалясь и сузив глаза, иногда он их расширяет и сам выпрямляется, когда мимо проносится "зил-114" или хотя бы "чайка" и опять прищуривается, полный презрения ко всем остальным. У Белорусского вокзала затор, но не для него, машина пересекает осевую линию и мчит по резервной зоне, и орудовец не тянет к губам свисток. Конечно, это не "зил" и даже не "чайка", но по цвету машины, по антенне на крыше, по номеру на переднем бампере, по шляпе опытным взглядом орудовец определяет, что владельца шляпы лучше не трогать.

Проходит еще три-четыре минуты, и шляпа с прямыми полями отразилась в стеклянной двери высокого учреждения, в котором владелец шляпы занимает высокую должность. Дверь распахнулась, и швейцар застыл в непринужденном полупоклоне.

— Солнышко сегодня, Сергей Сергеевич, — говорит он любезно. Всегда, встречая большое начальство, швейцар говорит что-нибудь о текущих природных явлениях.

— Да, солнце, — не расширяя глаз, небрежно роняет Сергей Сергеевич, как бы давая понять, что солнце это не такое уж чудо природы, а всего лишь одно из подведомственных ему лично светил.

Лифт. Коридор. Кабинет. Большой стол с телефонами. Один — через секретаршу — для всех. Для всех тех, для кого хозяин кабинета всегда либо занят, либо отсутствует. С теми, кому по этому телефону иногда удается все-таки дозвониться, Сергей Сергеевич говорит сквозь зубы, как с швейцаром или лифтершей. Второй аппарат — прямой, без секретарши. Этот — для жены, друзей и приятелей. По этому телефону тон благожелательный: "алло, да это я". По третьему аппарату тон исполнительный: "Иванько слушает". Иногда даже хочется сказать "вслушивается". Это вертушка. По этому телефону кто попало не позвонит.

Рабочий день начинается с утверждения издательских планов. Утверждать планы — дело не такое легкое, как может показаться с первого взгляда. Надо проверить списки писателей, которые собрались издать свои книги. Необходимо отделить нужных писателей от ненужных. Нужные — это секретари Союза писателей, директора издательств, главные редакторы журналов. Ты им сделаешь хорошо, они тебе сделают хорошо: напечатают (если есть что), устроят положительную рецензию, примут в писатели, подкинут какую-нибудь денежную работенку. Нужными писателями следует считать и других лиц, которые не только пишут книги, но и располагают возможностями оказывать побочные благодеяния: достать ондатровую шапку, приобрести льготную путевку в привилегированный санаторий или абонемент в плавательный бассейн. Ненужные писатели — те, которые

ничего этого делать не умеют, не могут или не хотят. Самые ненужные это Пушкин, Лермонтов, Гоголь и прочие классики – с них уже вообще ничего не получишь. Правда, иногда их издавать все-таки нужно, но дает себя знать бумажный голод. Да, вот именно, бумажная наша промышленность отстает, не может обеспечить даже нужных писателей.

И вот сидит наш владелец шляпы без шляпы за столом и работает. Нужных авторов подчеркивает, ненужных вычеркивает.

Но (опять не дают работать!) появляются первые посетители.

В сопровождении работницы иностранной комиссии Союза писателей входит мистер Гопкинс, как все американцы поджарый. Мучного не ест, сладким не злоупотребляет, виски разбавляет, увлекается спортом: гольф, бассейн, бег трусцой. Владелец одного из крупнейших издательств в Штатах. Отделения в Канаде, Южноафриканском Союзе, Австралии и Новой Зеландии. "К одним паспортам улыбка у рта, к другим отношение плевое..." Будь это какой-нибудь болгарин или другой социалистический брат, так его можно бы послать подальше. Но за мистером Гопкинсом международная разрядка и конвертируемая валюта. Для него – улыбка у рта.

– Хау ду ю ду, мистер Гопкинс, ай'м глэд ту мит ю.

– О, мистер Иванко, ду ю спик инглиш?

– Йес, оф корс, бикоз, элитл.

Мистер Иванко усаживает мистера Гопкинса на почетное место и они за чашкой кофе ведут деловую беседу как два крупных специалиста в издательском деле. Мистер Гопкинс интересуется, не посоветует ли ему коллега мистер Иванко, какие-нибудь последние романы лучших русских писателей, желательно, чтобы это была интеллектуальная проза.

– Гм... гм... есть ряд интеллектуальных романов из колхозной жизни. Не подходит? Про любовь? Есть про любовь. Действуют он и она. Он хороший производственник – многостаночник, но безынициативный. Работает на восьми станках и успокоился на достигнутом. Она, как и все дев-

чата ее бригады, работает на десяти станках. Естественно, над ним подтрунивают, а она пишет о нем в стенгазету. С этого начинается любовь. Центральная эротическая сцена — она критикует его на комсомольском собрании. Он конечно обижается, но потом понимает, что она права и он ее любит. Чтобы доказать ей свою любовь, он выдвигает встречный план — работать на двенадцати станках. Очень оригинальный сюжет, колоритный язык, ярко изображено движение механизмов. И счастливый конец (happy end): после долгой разлуки герои случайно встречаются на сессии Верховного Совета. Только теперь они осознают, что не могут жить друг без друга. Они прогуливаются по Георгиевскому залу, по Грановитой палате и говорят, говорят. О встречных планах, о повышении производительности труда, о неуклонном соблюдении трудовой дисциплины.

Мистер Гопкинс слушает с огромным неподдельным интересом. Колоссальная тема! Неслыханный сюжет! К сожалению, он, мистер Гопкинс, сомневается, что такая книга может иметь успех на Западе. Растрепанный западный читатель привык к другим сюжетам. Секс, порнография и насилие — вот что пользуется неизменным успехом на западном книжном рынке.

— Мы, — замечает с горечью мистер Гопкинс, — вынуждены идти на поводу у читателя.

Мистер Иванко выражает полное сочувствие своему собеседнику. В таком случае он не может предложить ему ничего подходящего. Разве что мемуары доктора Геббельса.

О, доктор Геббельс! У Гопкинса загораются глаза. Это как раз то, что ему нужно. Он тут же готов отсчитать миллион долларов, на каждом из которых ком грязи. Ну что же, наша страна нуждается, нуждается в этой грязной, но твердой валюте.

Проводив мистера Гопкинса, уважаемый возвращается к утверждению планов, но входит секретарша и сообщает, что явилась внучка Чуковского. Черт побери! Неужели нельзя было ей сказать, что он на совещании. Нет, нельзя. Оказывается, она у кого-то узнала, что он в кабинете. Ну хорошо, хорошо, пусть войдет. Приходится опять выпускать воздух

из-под щек и играть на обаяние. Входит посетительница. О, он очень рад ее видеть. К сожалению, дела, дела, не всегда удастся выкроить время. Как насчет *Чукоккалы*? Конечно же, ее следует издать. Всенепременно. И он лично целиком за. Он прилагает все усилия, только этим и занимается. Он большой поклонник покойного классика. С детства помнит "Ехали медведи на велосипеде..." Да, Корней Иванович обладал крупным талантом. Его смерть – большая и невосполнимая утрата для детей и для взрослых. Да, безусловно, его литературное наследство имеет огромную ценность и мы непременно опубликуем все, что достойно. Но в данном случае произошла неожиданная неприятность. Произошло... (что бы такое придумать)... непредвиденное происшествие. В типографии книгу набрали, но... (ура, придумал) ...обвалился потолок. Вы представляете! Вот так они работают наши хваленые строители. Потолок обвалился, все матрицы вдребезги. Конечно, можно снова набрать, но, сами понимаете, у нас хозяйство плановое, опять набирать *Чукоккалу*, значит остановить весь поток. Разумеется, мы к этой вещи еще вернемся, изыщем возможности, но на все нужно время. Простите, телефон. Иванько слушает, да, Борис Иванович, да, хорошо, сейчас буду. Вот опять не дали поговорить, вызывает начальство. Позвоните мне... сейчас посмотрим, что у нас в календаре... нет, на этой неделе никак не получится, на следующей... гм... гм... да, следующая тоже забита полностью... значит, примерно, через две недели... Был очень рад! Очень!

Проводив гостью, наш уважаемый перемещается в кабинет Бориса Ивановича. Он входит туда запросто, походкой немного развинченной, но всем своим лицом, всей фигурой своей изображая огромное, почти невыносимое удовольствие от возможности еще раз лицезреть самого Бориса Ивановича. На время наш уважаемый из значительного лица превращается в швейцара.

... Солнышко сегодня, Борис Иванович, – говорит он, как бы радуясь хотя и случайному, но знаменательному стечению обстоятельств.

– Да, солнце, – хмуро замечает Борис Иванович.

Что это с ним? Просто не в духе или что-то случилось? Обычно Борис Иванович приветлив, а тут... Уважаемый смотрит на министра с некоторой настороженностью.

— Вот что, Сергей Сергеевич, — Борис Иванович отводит глаза в сторону, ему ужасно неприятно начинать этот разговор, но ничего не поделаешь, он поднимает голову и спрашивает в упор: — Что там у вас с квартирой происходит?

Вот оно что! Сергей Сергеевич, разумеется, сразу схватывает в чем дело. Стало быть кто-то уже пожаловался. Кляузники! Их еще не успеешь прижать как следует, а они уже бегут с жалобами. Что за люди, что за чернильные души!

— Вы спрашиваете, что у меня с квартирой? — Сергей Сергеевич тянет время, пытаюсь понять, что именно известно Борису Ивановичу.

— Да, я спрашиваю, что у вас с квартирой?

— Ну после того, как вы написали письмо, Владимир Федорович Промыслов наложил на нем благоприятную резолюцию, теперь дело будет снова рассмотрено на общем собрании кооператива.

— Значит, оно уже однажды рассматривалось на общем собрании? Что вы молчите? Я вас спрашиваю, вопрос улучшения ваших жилищных условий рассматривался уже на общем собрании?

— Да, выдавливают из себя Сергей Сергеевич.

— Почему же вы не поставили меня об этом в известность?

— Дело в том, что я... мы... бы... Дело в том, что это собрание было недействительно, — нашелся Сергей Сергеевич.

— Как недействительно?

— Оно было недействительно потому, что присутствовали на нем не члены кооператива, а их родственники, на которых кроме всего оказывалось давление.

— Че-пу-ха! — Раздельно сказал министр.

— Что-с? произнеся это "с", Иванько сам удивился, откуда в нем такой атавизм.

— Ничего-с, — ответил с сарказмом министр. — У Войновича нет никаких возможностей оказывать давление,

кроме предъявления своих очевидно справедливых требований. А вот вы, как я теперь выяснил, действительно оказывали давление, вы занимались вымогательством и шантажом. Вот что, уважаемый, партия доверила вам столь высокий пост, платит вам большую зарплату, кормит вас высококачественными продуктами из распределителя в надежде, что вы все свои силы и время отдадите нашей литературе. Вы же решили употребить ваше служебное положение и мое расположение к вам для извлечения личной выгоды. Как же вам не стыдно смотреть людям в глаза! Ведь вы же на каждом углу кстати и не кстати твердите, что вы коммунист. Какой же вы коммунист, если вы злоупотребляете своей властью? Кстати, покажите-ка мне издательские планы, которые вы подготовили. Ну-ка, ну-ка, очень интересно, как ваши представления о служебных обязанностях отразились на ваших планах. Ну вот, так и есть. Зачем вы вставили сюда Турганова? Кому нужны его бездарные стихи? Если они вам так дороги, издайте его тиражом два экземпляра — один ему, один вам, причем за ваш счет. Так, что здесь еще? Булгаков? Это тот Булгаков? Михаил Афанасьевич? И вы ему ставите тираж тридцать тысяч? Что? Не хватает бумаги? А Софронову на полное собрание сочинений хватает бумаги? А-а, теперь мне понятно, почему именно вам Софронов доверил быть составителем собрания сочинений Драйзера в библиотеке "Огонька". А эти кто такие — Падерин, Пантиелев?.. Им на стотысячные тиражи бумаги хватает. Вы видели когда-нибудь человека, который искал бы в магазине книги Пантиелева? Извольте вписать Булгакову тираж в соответствии со спросом. Сколько? Поставьте для начала миллион экземпляров. А почему до сих пор не издан *Доктор Живаго*? Что, что? Написан с неправильных позиций? А вы читали хоть одну интересную книжку, написанную с правильных позиций? Поставьте миллион *Доктору Живаго*. Учтите, отныне каждый работник нашего учреждения за простой одного талантливого произведения будет отвечать, как за простой грузового вагона. Вы говорите, что у нас происходят сотни безобразий и вы с ними не боретесь. Совершенно напрасно. Мне, уважаемый, такие работники не нужны. Я

понимаю, что у вас семья, что ее нужно кормить. Я предпочитаю, чтобы вам платили зарплату за то, что вы не будете работать, чем за такую работу. Вот так-то, уважаемый, всего хорошего.

Уважаемый выходит из кабинета Бориса Ивановича, воспринимая все сквозь туман. Не помня себя, добирается до стеклянных дверей. Швейцар не встает, не распахивает дверь, не говорит о погоде. Нечего удивляться: швейцары, вахтеры, лифтеры, шоферы – самая осведомленная публика. Где-то кто-то что-то сказал, а им уже все известно, а они тут же и реагируют. Уважаемый тянет ручку двери – не поддается. Тянет сильнее – никакого эффекта. Да что за черт! Может уже перекрыли все выходы и сейчас арестуют за взыточничество. Он тянет ручку двумя руками. Спокойно. Никакой истерики. Надо взять себя в руки. Здесь что-то написано. Тьфу ты! написано: "От себя". Оказывается, он никогда не открывал эту дверь сам. Перед ним ее распахивали и он привык, что она сама по себе открывается-закрывается. Уф-ф! даже потом прошибло. Вышел на улицу – темно, никакого солнышка. Похоже на полное затмение. Но в наступившем мраке выделяются отдельные предметы и люди. Вот в его персональную хозяйником садится какой-то расторопный субъект. Не успели назначить, а он уже куда-то спешит. Куда? Издавать миллионным тиражом Булгакова или Пастернака? Да, но как же добраться до дома? В троллейбусе? Как все? Но ведь он не привык. Он только что еще был значительным лицом. Сам товарищ Федоренко был его личным другом... Но кто это? А это едет в своей личной машине рядом с шофером Председатель Турганов. Эй, остановите, это я, Сергей Сергеевич, ваш уважаемый... Пронюхал, старая bestия. Скользнул равнодушным взглядом и тут же отворотился. А вот навстречу, переваливаясь словно утка, величаво и плавно несет свое тело Вера Ивановна. Рад вас видеть, Вера Ивановна. Вы меня не узнаете, это я, ваш ува... просто Сергей Сергеевич, Сережа. Помните, я учился у вашего мужа? Китаист Иванько. – Вы китаист? Мой муж всегда говорил, что скорее любую кастрюлю можно назвать китаистом. Да... Вот... Все покинули. Все отвернулись. Еще сегодня

утром обожали, расточали улыбки, смотрели в рот... Люди, люди...

Хватит, пофантазировали. Ничего похожего в жизни, разумеется, не было. На самом деле все было проще. Вызвал Борис Иванович Сергея Сергеевича по какому-то делу и сперва обсудили само это дело, а уж потом, как бы заодно, Борис Иваныч и сообщил:

— Да, Сергей Сергеич, забыл тебе совсем сказать: тут на тебя кляуза пришла от этого твоего конкурента, черт бы его побрал. Понимаешь, как-то не очень это все красиво выходит. Нет, ты не думай, я тебе вполне сочувствую и рад бы помочь. Очень хорошо понимаю, квартиру ты оборудовал, есть возможность прирезать комнату, но надо было тебе все-таки действовать как-то не так. Видишь на что он бьет — злоупотребление служебным положением. Тут уж, извини, я тебя поддержать никак не могу. Ни как руководитель Комитета, ни как коммунист. Я, конечно, не хочу делать никаких выводов, но давай это дело замнем и спустим на тормозах. Ты, я считаю, с самого начала повел это дело неправильно. Полез на рожон, стал угрожать. Ну зачем же так? Ты же опытный человек, почти дипломат... Нет, брат, так дела не делаются. Рад бы тебе помочь, но... — Борис Иванович развел руками, а мы у читателя еще раз попросим прощения: и этот монолог нами придуман. Ничего похожего, во всяком случае в первое время после получения министром нашего письма, видимо, не было. А ведь нам известно доподлинно, что министр письмо получил. И копии также достигли своих адресатов. И что? И ничего. Автор письма от своих адресатов не получил никакого ответа, а поскольку наша история на этом не кончилась, автор считает, что действия Иванько этими важными лицами были одобрены.

Вот как!

Один престарелый деятель, бывший в правительстве СССР еще при Ленине, выслушав эту историю, сказал мне:

— В наше время для коммуниста не было обвинения страшнее, чем в использовании служебного положения в личных целях. Впрочем, — добавил он, вспомнив свои двадцать пять лет лагерей, — наше время я тоже не идеализирую.

Кто ведет себя вызывающе

А вот в нашей истории возникает еще один персонаж, еще одно значительное лицо – Председатель Фрунзенского райисполкома товарищ Богомоллов Д. Д. Я его никогда лично не видел. Не посчастливилось. Но я себе его представляю так. Вот он сидит за большим столом и кладет резолюции на подносимых бумагах: "От-ка-зать!!!" Вы хотите обменять что-то меньшее на что-то большее. От-ка-зать!!! Вы хотите обменять что-то большее на что-то меньшее. От-ка-зать!!! Вы хотите вступить в кооператив, построить гараж, посадить во дворе дерево. От-ка-зать! От-ка-зать! От-ка-зать!

Отказать... Ваша власть, когда вы отказываете, гораздо заметнее, чем когда разрешаете. Представьте себе, что вы милиционер, стоите на дороге и мимо вас едут автомобили. Катят они на современной скорости, иной водитель скользнет по вас взглядом и тут же забудет, а другой и вовсе не заметит. Но вот вы свистнули в свисток, махнули палкой, остановили водителя и – давай его мурыжить. Куда едет да для чего, почему в эту сторону, а не в обратную, и зачем вообще на машине, а не на трамвае, а на какие деньги купил и не собирается ли продать по спекулятивной цене. Остановите так да допросите другого, третьего, пятого, десятого: вот уже сколько людей вас заметят, запомнят, среди них вы знаменитый уже человек. Вот так же и Богомоллов Д. Д. Решил бы он мой вопрос сразу и справедливо, я, неблагодарный, может, и фамилии б его не запомнил. Но Богомоллов Д. Д. постарался и я его крепко запомнил. Прочтя мое письмо Стукалину, Богомоллов сказал принесшему письмо человеку:

– Вот, видите, Войнович ведет себя вызывающе. Он кому, он министру указывает, когда тот должен ему отвечать.

Он не стал решать, кому должна принадлежать квартира № 66, он стал решать, кто кому может указывать, а кто кому нет. А между прочим, на наш скромный взгляд вызывающе ведет себя не тот, кто напоминает, хоть и министру,

об указе верховной власти, а тот, кто указы эти не исполняет, то есть в нашем случае именно министр.

Ну и жук!

Боюсь, как бы не обвинили меня в очернительстве. Неужели ни одного положительного начальника не встретилось мне на моем пути? Встретилось. Двое. Один сначала тоже сделал мне выговор, что я веду себя вызывающе, но потом все же (спасибо ему и на этом) сказал:

— Иванько действует незаконно, но он всемогущ. Вы к Промыслову на прием никогда не попадете, а он может войти к нему в любую минуту. Вы даже не представляете себе, какие люди хлопчут за Иванько по этому телефону. — И он ладонью погладил "вертушку".

Вторым положительным был работник ЦК КПСС, которому мне удалось рассказать эту историю.

— Иванько? — переспросил он. — Сергей Сергеевич?

— Иванько, — подтвердил я. — Сергей Сергеевич.

— Ну и жук! — сказал мой собеседник и покачал головой.

Вот и вся реакция двух положительных товарищей.

Такие люди

Какие люди хлопчут по "этому" телефону можно было судить по изменившемуся отношению Ильина. Когда я пришел к нему второй раз, он бы явно смущен или играл в то, что смущен. Нет, я думаю, он смущен был на самом деле.

— Вы рассчитываете, что я Промыслову буду звонить по вертушке. А что же я ему скажу? Кооператив — суверенная организация, Союзу писателей не подчиняется. Сами действуйте. Что же мне вас учить? Вон пенсионеры всякие знают, куда в таких случаях обращаться. А вы, писатель, сатирик, не знаете. К первому секретарю райкома подите.

Я беспартийный.

– Какая разница? Зато Иванько партийный.

– Да меня ж секретарь этот не примет.

– А вы добейтесь, чтоб принял.

Ну ладно, допустим. Если бы это была не документальная история, взятая прямо из жизни, а роман, написанный по методу социалистического реализма, то действительно в райкоме и состоялся бы хеппи энд. В скольких наших романах именно обращением в райком заканчиваются все тревоги литературных героев. В райкоме зло терпит поражение, а справедливость торжествует.

Придя от Ильина домой, я позвонил во Фрунзенский райком, чтобы узнать фамилию первого секретаря. Мне сказали:

ПИРОГОВ ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ.

Я вспомнил: издательство "Планета", издательство "Светоч" и какой-то Пирогов из горкома:

Все. Круг замкнулся. К легиону сторонников Иванько мы вынуждены приписать еще одну довольно значительную фигуру. Ну что ж, пора подвести некоторые итоги, пора выстроить по ранжиру должностных лиц, вступивших по такому ерундовому делу на путь прямого нарушения не каких-нибудь, а, я подчеркиваю, советских законов. Вот они эти лица: председатель правления ЖСК, председатель ревизионной комиссии ЖСК, председатель райисполкома, первый секретарь райкома, секретарь (фактический руководитель) Союза писателей СССР, председатель Государственного Комитета, его заместитель, секретарь партийной организации Комитета, председатель Моссовета. Все эти люди (а двое из них еще и члены ЦК КПСС) снизу доверху руководят всей нашей жизнью, именно они олицетворяют собой, во всяком случае, в пределах Москвы то, что мы обыкновенно называем *советской властью*.

– Ага! – скажет бдительный читатель. – Вот до чего договорился! Значит эта история – антисоветская?

Да. Пожалуй. Но, граждане *судьи*, обратите внимание, что создал эту историю не я, а именно те лица, которых я перечислил. Я делал все, что было в моих силах, чтобы она не стала такой.

Любопытство – не порок

Ну так что же все-таки делать?

Мои сторонники говорят:

– Учите, вас провоцируют на незаконные действия. Не поддавайтесь на провокацию. Действуйте исключительно в рамках закона.

Это, конечно, тоже позиция: противопоставить незаконным действиям власти свои законные действия. Потом, когда я останусь в своей единственной комнате и тут же надо будет работать, и тут же будет плакать ребенок, я смогу утешиться тем, что я не вышел за рамки закона. А Иванько, расширив площадь для нового унитаза, будет испытывать угрызения совести, что действовал не очень законно.

Под давлением своих сторонников я написал письмо в еще одну указанную ими малозначительную инстанцию. На этот раз я написал не вызывающе. Я написал, как меня просили. Упомянул о своем пролетарском прошлом, перечислил литературные заслуги и, упирая на беременность жены, униженно просил внимательно отнестись к моей просьбе.

Из этой инстанции я тоже ответа не получил, но я его уже и не ждал. В эффективности законных действий я разуверился. Я вынашивал иные планы, от которых меня предостерегали мои сторонники и осуществления которых с нетерпением ожидали в стане моих противников.

– Вот пусть он вселится самовольно, – сказала Вера Ивановна, – а потом он посмотрит, что с ним будет.

Она не знала, что наши интересы уже достаточно сблизились. Мне тоже было весьма любопытно посмотреть, что со мной будет.

Я решил пойти навстречу пожеланиям Веры Ивановны и...

Самовольное вселение

...Как сообщил впоследствии членам своего правления Преседатель Турганов, 26 апреля 1973 года в кооперативе имел место очень прискорбный факт. Произошло чрезвычайное происшествие, выходящее за рамки нашей морали. А именно, утром указанного дня, два человека вытащили из подъезда № 7 предмет, напоминавший диван-кровать и потащили его к подъезду № 4. О происходящем передвижении людей и вещей тут же было доложено Председателю. И когда два человека с указанным выше предметом вломились в подъезд № 4, лифтерша уже оправдывалась по телефону:

– Да, въезжают! А что я могу с ними сделать? Я не могу их задержать! Я женщина, они меня не послушают.

Вскоре предмет, похожий на диван-кровать и бывший действительно ею, очутился в квартире № 66. Вслед за диваном в квартире появились холодильник, пишущая машинка, телевизор, четыре стула и управдом. Последний был слегка пьян, но на ногах держался. Из произнесенной им речи можно было не без труда догадаться, что управдом выражает свое неудовольствие происшедшим и предлагает свои услуги по выносу вещей обратно.

– Ну ты что это, – сказал управдом, – как же ж так это можно, с меня же за это спросят, а ты что ж это вот...

С этими словами он взялся за диван-кровать и попытался подвинуть ее к дверям. Впрочем, за сто двадцать рублей тужиться не хотелось.

– Ты пойми, – сказал он, отряхивая руки, – мне же это не нужно. Я в партии с тридцать второго года. Я полковник.

– Каких войск? – полюбопытствовал я, глядя ему в глаза.

Он вздрогнул и сказал поспешно:

– Я политработник.

– В каком роде войск политработник?

– Политработник я, – повторил он неуверенно и попятился к дверям. – У меня орденов во! – добавил он

и вышел на лестницу.

Вы, конечно, догадались в каких войсках служил и за какие подвиги получил он свои ордена. Служба, конечно, почетная, а все-таки неудобно.

Ночные страхи

Ночь. Я один в пустой квартире. Лежу на раскладушке и подобно своему герою Чонкину (говорят писатели повторяют судьбы героев) жду нападения отовсюду. Какие силы кинет на меня всемогущий Иванько? Будут взламывать дверь или высадят на балконе десант? Поздно. Хочется спать. Но спать нельзя. А веки смыкаются. За стеной отделяющей меня от квартиры Иванько мертвая тишина. Спят? Или, может, с той стороны роют подкоп? Не спи, – говорю я себе. – Не спи... Вдруг стена дает трещину и рушится у меня на глазах. Рушится беззвучно, словно в немом кино. Вываливаются целые куски кирпичной кладки, поднимается облако пыли и заволакивает все. Но вот пыль оседает и -- что я вижу! Верхом на неправдоподобно голубом сверкающем брильянтами унитазе сквозь пролом в стене въезжает в комнату наш уважаемый. Торжествуяще он размахивает какими-то мандатами, партийным билетом, членским билетом Союза писателей, служебным удостоверением, письмом за подписью Стукалина, удостоверяющем, что представитель сего есть большой человек. Лязгая гусеницами, унитаз надвигается на меня.

– Задавлю-у-у-у! – гудит водитель унитаза.

Я просыпаюсь и постепенно прихожу в себя. Стена цела. Все тихо. Только за открытой форточкой воет ветер: у-у-у!..

Опять Ильин

– Так вот, Виктор Николаевич, – говорю, – пришел к вам последний раз.

Усмехается.

– Не зарекайтесь.

– Зарекаюсь. Я вижу, ходить к вам бессмысленно. Вы обещали мне вступиться, теперь умываете руки. Когда надо было меня проработывать за письма или за "Чонкина", вас здесь много собиралось. Работали комиссии, заседал секретариат. Сейчас перед вами чистый уголовный случай. Два члена вашей организации, злоупотребляя своим положением, пытаются всучить друг другу взятки, а где секретариат? где комиссии? Почему же вы "караул" не кричите?

Ильин отводит глаза.

– Да, но я слышал, вы тоже проявляете неуступчивость.

– То есть капризничаю?

Он мнетя, понимая, что эта формулировка для меня не нова.

– Я не говорю, что капризничаете, но вам, кажется, предлагают какие-то варианты, а вы на них не соглашаетесь.

– И не соглашусь.

– Почему?

– Да как бы вам сказать поточнее...

– Принципиально? – подсказывает он.

– Вот видите, вы знаете это слово.

– Так чего же вы от меня хотите?

– От вас я хотел, чтобы вы тоже были принципиальным, но раз нет, так нет. Я пришел сообщить вам, если вы еще не знаете, что я въехал в эту квартиру.

– Как?

– Обыкновенно. Втащил вещи, выкинул старые замки, вставил новые. Вот ключи. – Для наглядности я побрякал ключами перед его носом.

– А вот это вы сделали напрасно, – сказал он. – Раньше вы действовали законно, а теперь сами даете повод. Я вам говорил и сейчас могу сказать: сходите к секретарю райкома. Вас же выселят.

– Вот об этом я как раз и хотел с вами поговорить. Надеюсь вы наш разговор не будете хранить в тайне и передадите покровителям Иванько, что я из квартиры не выеду, ни под каким нажимом. Разве что меня вместе с беременной

женой вынесут на руках. Это будет очень интересное зрелище и я не могу обещать вам, что при этом не будет зрителей. И если уже сейчас эта история вышла за пределы кооператива, я не уверен, что она не станет и за иными пределами.

Глаза генерала за стеклами очков быстро забегали. Он соображал, я с любопытством смотрел на него, что он скажет. Я ждал он спросит: на что намекаете?

— А вот это, — сказал он совсем для меня неожиданно. — вы и скажите секретарю райкома.

Вернувшись домой, я получил повестку. 28 апреля в 10.00 мне предлагалось явиться к помощнику районного прокурора по гражданским делам тов. Яковлевой Л. Н.

У прокурора

28.4, 10.00. Маленькая комната. В углу пятилитровая банка огурцов. За столом крупная женщина. Не прерывая телефонного разговора, она кивает на стул у окна. Сажусь. Невольно вслушиваюсь. С кем-то она договаривается насчет наступающего праздника. Разговор сугубо деловой. Праздник на носу, первого гости, а еще ничего не готово, в Елисе-евском выбросили осетрину и печень трески... Что? Торт? Какой там торт? За ним надо стоять с утра... это кому делать нечего... Ну да, муж... На одну зарплату разве сейчас проживешь...

...Сижу, слушаю, думаю о своем. Конечно, ТАКИЕ ЛЮДИ ей уже позвонили. Они ей уже все сказали. Теперь начнется сказка про белого бычка. Она спросит, зачем я самовольно вселился. Я ей скажу, что не самовольно, что есть решение собрания, вот у меня выписка из протокола. Ее, разумеется, выписка не интересует, ее интересует ордер. Нет ордера — выселяйтесь. Ей-то что. У нее вон праздник... Она думает, как бы чего достать... А тут... И ничего, естественно, не докажешь... Какая противная баба... Все они такие, все они одним миром мазаны... Я ей скажу: вы прокурор, вы должны следить за соблюдением законов, а вы...

— Ну что? — положив трубку, она смотрит на меня с

улыбкой, не предвещающей ничего хорошего. — Значит, въехали самовольно в чужую квартиру?

— Да как вам сказать, — бормочу я, понимая заранее, что все объяснения лишни. — Не совсем в чужую и не совсем самовольно.

Иронически улыбаясь, она кивает головой. Естественно, ничего другого она и не ожидала услышать. Еще не было здесь ни одного самовольщика, который не доказывал бы, что он прав.

— Ну, рассказывайте, как было дело.

Рассказываю и вижу по ее глазам: ей это неинтересно. У нее свои заботы. Ей нужно решить практически. Если высылать, то сегодня. С завтрашнего дня начинаются праздники, милиции будет некогда возиться и понятых не найдешь. Небось, нарочно рассчитал так под праздник. Праздник четыре дня. Четыре дня он будет жить в чужой квартире, четыре дня будет нарушаться закон. Нет, этого допустить нельзя, нужно принимать срочные меры, потому что в кулинарии напротив дают филе из чиновника... Тьфу! Черт, совсем задурил голову! Она поднимает невидящие глаза.

— Какой чиновник?

— У нас в кооперативе, — терпеливо повторяю я, — завелся один чиновник.

— Причем здесь чиновник? Меня он совершенно не интересует.

Еще бы!

— Если вы хотите знать обстоятельства, вам нужно знать про чиновника. Дело в том, что он занимает важный пост в государственном комитете и, пользуясь своим положением...

— Я вам объясняю: меня совершенно не интересует чиновник. Я вас спрашиваю, вселились вы в квартиру шестьдесят шесть?

— Вселился.

— Ну вот.

— Но не самовольно.

— А вот здесь написано, что самовольно.

— А там написано, что эту квартиру мне дало общее

собрание?

– Гм... – проглядывает еще раз письмо. – Нет, не написано.

– В таком случае прошу вас ознакомиться с этим документом.

Протягиваю ей бумажку. Помпрокурора читает. Выписка из протокола общего собрания.¹ Слушали, постановили предоставить Войновичу... Круглая печать...

– Мда... Это меняет дело. Одну минуточку. – Она придвигает к себе телефон, набирает номер. – Сергей Дмитриевич, тут к нам пришло письмо из кооператива "Московский писатель" о незаконном вселении. Да знаете? Но товарищ представил выписку из протокола собрания. Что? Не было кворума? Так соберите кворум, а пока я дать санкцию на выселение не могу. Что? Письмо товарища Промыслова? Я все понимаю, но при всем уважении к товарищу Промыслову участвовать в нарушении закона никак не могу. Все с этим делом покончено. С наступающим. Спасибо. – Она кладет трубку, поворачивается ко мне. – Ну вот, вы все слышали. У меня пока нет оснований для вашего выселения. Так что идите воюйте дальше. Всего хорошего.

Уффф! Наконец-то сумерки рассеиваются. Наконец-то я нашел официальное лицо, которое не забыло, что существуют законы. Какая милая, какая обаятельная женщина. И как здорово она отбрила этого Бударина: "Все, с этим вопросом покончено". И никаких гвоздей! Участвовать в нарушении закона она не может. При всем уважении к товарищу Промыслову.

Процесс импичмента

Мы дошли до точки, после которой сюжет нашего увлекательного повествования разветвляется. Впрочем, обе ветви не отходят далеко друг от друга, и идут рядом и переплетаются между собою. Первая ветвь – это продолжение

¹ Не нашел места рассказать, как я выдурил ее у домоуправа.

нашей борьбы за квартиру 66 (она еще отнюдь не завершена). Вторая посвящена описанию процесса отстранения председателя Турганова от власти, процесса, который, как мы теперь знаем, называется процессом импичмента. Вот опять нам пришлось на ум уотергейтское дело.

Кто из нас, следивших за его перипетиями по передачам зарубежного радио, не приходил в изумление! Боже мой, из-за чего весь сыр-бор? Президент величайшей страны собирался кого-то подслушать. Всего-навсего. Мы, выросшие в иных условиях, даже не можем понять толком, что тут такого. Мы и не знали, что за такую ерунду нужно снимать с поста главу государства. Если не хотите, чтобы вас подслушивали, накройте телефон подушкой, включите радио, выйдите в ватер-клозет, разговаривайте шепотом про шуме спускаемой одновременно воды, еще лучше пользуйтесь для общения карандашом и бумагой, а результат общения сожгите, пепел разотрите в порошок и развейте по ветру. А уж вся эта катавасия с магнитофонными пленками вообще ни в какие ворота не лезет. Да был бы президентом Соединенных Штатов не Никсон, а наш председатель Турганов, он эти пленки стер бы ко всем чертям или поджег бы вместе с помещением, в котором они находились. Однако и на своем посту он проявил немалую изобретательность по части мелких махинаций.

Но прежде, чем приступить к описанию процесса импичмента в масштабах нашего дома, следовало бы проанализировать соотношение сил в правлении и как оно менялось по мере развития нашего сюжета. В описываемый период правление состояло из одиннадцати человек. Двенадцатой была председатель ревизионной комиссии Бунина, принимавшая в деле самое активное участие.

Из двенадцати сторону Иванько с самого начала активно держали четверо: сам Иванько, Турганов, Бунина и некий Кулешов, спортивный журналист и, между прочим, как говорят, сын Блока и баронессы Нолле. Эта великолепная четверка для достижения своей цели была готова на все. Пятый член правления был в отъезде, шестой колебался, желая одновременно и выглядеть порядочным человеком и

не портить отношений с всесильным Иванько. В частных беседах с жильцами дома он уверял, что его симпатии на стороне Войновича, на правлении же поднимал руку за Иванько. Седьмой перебегал все время на ту сторону, которая ему казалась в данный момент сильнее, делая вид, что он темный восточный человек, к тому же еще немножко поэт, не от мира сего и в происходящем не очень-то разбирается. Восьмой, академик и герой труда, решил, что ему участвовать в этой склоке совсем не к лицу, держал полный нейтралитет и на заседаниях правления не появлялся, несмотря на горячие призывы с обеих сторон. Таким образом, с начала нашей истории на стороне Иванько, включая двух колеблющихся, было шесть человек, на моей — четыре. Двое из четырех считали мои требования справедливыми и уважали мою литературную деятельность, два других — второй фактор во внимание не принимали, считаясь только с правовой стороной дела. Надо учесть, что даже эти четверо тоже в какой-то степени считались с угрозами Иванько, все они писатели, все хотят печататься, поэтому вели они себя (и я им благодарен за это) принципиально, но осмотрительно. Кроме количественного преимущества на стороне Иванько было и качественное. Турганов был не просто один из шести приверженцев уважаемого, но и председатель правления. Заседания правления назначал он. Время выбирал он. Он старался выбирать такое время, когда кто-нибудь из моих сторонников отсутствовал. Во время отсутствия того же Иванько он вообще не собирал правления под разными предлогами: он устал, ему некогда, он болен. И еще один фактор был на их стороне: их активность и целеустремленность. Среди моих сторонников один был любитель хоккея и пропускал правление, если в это время показывали встречу команд ЧССР—СССР, у другого был абонемент и он купался в бассейне. Клевреты Иванько, когда было нужно, хоккеем не смотрели, в бассейн не ходили, на правление являлись все, как один и дружно отстаивали интересы своего протеже. Но постепенно и мои сторонники зашевелились. Они стали замечать, что их просто водят за нос и обманывают. На них не могло не действовать и общественное мнение жильцов

дома, которое постепенно все больше накалялось. Наконец, после долгой отлучки возвратился еще один член правления, человек активный и от Иванько независимый. Его больше всего возмутило намерение Иванько разрушить капитальную стену, что непременно привело бы к деформации всего здания. Вернувшийся из отлучки сразу заявил, что разрушения дома он ни за что не потерпит. Положение стало меняться. Почувствовав сильную руку, мои сторонники сразу встали под знамена приехавшего и полностью ему подчинились. Видя, что соотношение сил начинает меняться, член правления, желавший выглядеть порядочным, из игры выбыл и перестал появляться на заседаниях, восточный человек и поэт после некоторых колебаний перебежал в противоположный лагерь. Меж двух огней заметалась и Бунина. "Я за Войновича, — провозглашала она, — но давайте говорить правду-матку: он хочет получить квартиру хорошую". Впрочем, это мы от нее уже слышали.

Еще кое-что о Турганове

Между прочим, когда положение Турганова стало совсем уже шатким, на одном из правлений он заявил, что его нельзя отстранять от должности без санкции партийных инстанций. Еще месяц назад, этот аргумент мог быть признан убедительным. Теперь же он был воспринят только как демагогический трюк. В ответ на его заявление, Турганову было сказано, что его выбрали председателем без таких санкций, а потому и снимут без них же. "И вообще, — сказал кто-то, — с какой стати мы должны запрашивать партийные органы, если вы беспартийный".

Известие о том, что Турганов беспартийный, меня, откровенно говоря, удивило. Чтобы такой человек и не присоединился к правящей партии, это казалось мне совершенно невероятным. Если он этого не сделал, значит были серьезные причины. То ли он был в партии и исключен, то ли у него не было возможности вступить в нее. Почему? Моральных преград для вступления в партию у него, разумеется,

нет и быть не могло. Значит, в его биографии были какие-то темные пятна, которые и партия считает темными. Зная, что он киевлянин, я, признаюсь, грешным делом подумал, уж не был ли он при немцах полицаем. Впечатление, произведенное на меня этим человеком, позволяло мне думать, что он готов выражать преданность любому режиму, который покажется Турганову достаточно прочным. А в Киеве при немцах их режим многим казался прочным. И уж, конечно, я бы не удивился, узнав, что Турганов выдавал немцам жидов и коммунистов, не принадлежа ни к тем, ни к другим.

Но сведущие люди сказали мне, что Турганов при немцах в Киеве не был. Он был там до войны, активно сотрудничал с НКВД и посадил 18 человек, своих коллег-переводчиков. Потом совершил еще нечто такое, за что чуть не сел сам, спешно переехал в Москву, а тут началась война и киевским органам стало не до Турганова. Стало быть, насчет тургановского полицейства я ошибся, но не очень. Человек, уничтожающий себе подобных, ради собственного благополучия, мерзавец. И совершенно неважно делает ли он это с помощью гестапо или прибегает к услугам отечественных органов.

Интересное предложение

Как уже говорилось выше, я, конечно, хотел остаться в квартире, но любой иной исход дела меня тоже устраивал. Я был непрочь экспериментально установить: как далеко простирается могущество моего соперника. Можно будет и обобщить некоторые итоги — дошли ли мы до полного беззакония или какие-то границы еще существуют.

Моего соперника, естественно, устраивал только один исход — победа. Теперь она нужна была ему не только для удовлетворения территориальных желаний, но и из престижных соображений. "Если он своего не добьется, его могут выгнать с работы, — предположил один мой приятель. — У них такая этика: не можешь дело довести до конца, не берись".

И вот автору этих строк поступают новые предложения. Турганов через третье лицо передает:

– Ну скажите Войновичу, зачем же он так? Ведь нам еще жить и жить в одном доме. У него скоро будет ребенок, ему двух комнат не хватит. Кстати, у нас скоро такая возможность появится и я обещаю, что первая же трехкомнатная квартира будет его, я готов выдать любой вексель...

Вот до чего дошло, даже вексель готовы выдать. Фальшивый, разумеется, вексель.

Но это еще не все. Некоторое время спустя, а именно 3 мая на новую квартиру пишущего эти строки является один известный писатель, сатирик и юморист. Пришел поинтересоваться, как мы устроились на новом месте. Осмотрел стены, потолки, кухню. Одобрил.

– Неплохая квартира. За такую квартиру стоило и побороться. А я, между прочим, к вам с очень интересной новостью. Был я тут в одной газетенке по своим подлым делишкам и вдруг слышу такое известие: говорят в Союзе писателей есть три бесплатных двухкомнатных квартиры и одна из них зарезервирована для... Для кого вы думаете? Для вас. Отличная квартира. Сорок квадратных метров... У вас здесь сколько? Тридцать пять? Значит, пять метров лишних, плюс масса каких-то подсобных помещений, чулан, коридор и все это, что ни говорите, бесплатно. Вам, я думаю, те пять-шесть тысяч, которые вы при этом получите с кооператива, не помешают.

– Да уж конечно, пять-шесть тысяч для меня деньги.

– Мне жаль расставаться с таким соседом, как вы, но я считаю, что вам надо соглашаться. Тут, кстати, Симонов вернулся из Ялты, очень вами интересовался. Я к нему заходил, он сразу спрашивает, как там дела у Войновича? Ну я рассказал, что знаю. ”Ты понимаешь, говорит он, приходил ко мне этот Иванько, просил поговорить с Войновичем. А как я буду говорить с Войновичем, если я с ним едва знаком? Он пошлет меня и правильно сделает”. ”Нет, говорю я ему, он тебя, конечно, не пошлет, но что ты ему скажешь? Чтобы он остался жить в одной комнате ради того, чтобы Иванько жил в четырех?” ”Это, конечно, так, говорит. Но

ты знаешь, Иванько для нас очень много делает. Вот сейчас через него мы пробили Булгакова. Другие ни в какую не соглашались, а он дал "добро". Вот такой разговор. А насчет квартиры я вам вот что скажу: соглашайтесь. Нет, не кидайтесь так сразу. Скажите, что вам надо подумать, посмотреть, что за квартира, набейте себе немножко цену, а потом соглашайтесь. А, как вы считаете? Правильно я говорю?

— Да как вам сказать, — отвечаю. — Видите ли, я ведь именно за эту квартиру дрался не только потому, что она мне очень нужна. Я ведь утверждал, что принципиально борюсь именно за нее. А теперь получится так, что Иванько меня на испуг не взял, так за деньги купил.

— Ну, милый мой, — удивляется мой гость, — это уже детский разговор. Плюньте вы на все эти соображения, берите деньги и переезжайте.

— Ну, конечно, я бы переехал, о чем речь. Но только в том случае, если бы мне дали гарантию, что Иванько эту комнату не получит.

Потом только я сообразил, что мой гость приходил с поручением. Ну как же я сразу не догадался? Надо было сделать вид, что колеблюсь и дожидаться официального предложения. Право, оно украсило бы наш и без того, впрочем, затейливый сюжет.

Несколько дней спустя я узнал, что квартиру, о которой шла речь, получил писатель Пиляр.

Вот уж кому можно сказать повезло!

Прогрессивный Сергей Сергеевич

Вы заметили некоторое изменение в тактике нашего уважаемого? Если он раньше действовал только с позиции силы, бряцал оружием и связями, то теперь через посредников передает своему сопернику положительные сведения о себе. Он, видите ли, прогрессивный, через него пробили Булгакова. Да как же ему после этого не уступить комнату? Ведь мне, право, было бы очень неприятно быть причиной

неиздания Булгакова.

(Некоторое время после окончания этой истории том Булгакова действительно вышел. Отличное издание в красивом переплете. *Мастер и Маргарита* полностью, без купюр, даже сцену в торгсине оставили. И все-таки за это издание, мы, неблагодарные, уважаемому спасибо не скажем. Нам, читателям и почитателям Булгакова, это издание не досталось. Разумеется, я имею в виду не себя лично. Уступив уважаемому квартиру, на один экземпляр я мог бы, вероятно, рассчитывать. Не для нас была издана книга, для заграницы, где и без того есть совсем неплохие издания проклинаемого постоянно "Посева". Туда ушло двадцать шесть тысяч из тридцати общего тиража. А в Союзе писателей распределили, говорят, 15 экземпляров среди членов секретариата (почему-то они охотятся не за книгами друг друга, а за Булгаковым, которого в свое время сжили со свету). И у нашего уважаемого, не сомневаюсь, Булгаков на полке стоит. Не как любимый писатель, а как престижная вещь, которая доступна не каждому.

А вот еще упрек с прогрессивных позиций. Работник Гослитиздата Борис Грибанов, встретив Владимира Корнилова, стал сетовать, что он всегда уважал Войновича, как писателя и порядочного человека, а теперь он очень огорчен и разочарован, узнав, что Войнович, оказывается, пишет доносы.

- Доносы? – удивился Корнилов. – Кому и на кого?
- Ну как же, вот написал Стукалину на Иванько.
- А что же ему оставалось делать?

На это Грибанов ничего не ответил, но сказал, что квартиру Войнович все равно не получит.

- Получит, – сказал Корнилов.

Заклывив пари на бутылку коньяка, собеседники разошлись.

В интересах сюжета объяснение мотивов, руководивших Грибановым, надо бы отнести в конец нашего рассказа. Но скажу сразу: Грибанов морализировал тоже отнюдь не бескорыстно. Год спустя при содействии Иванько он отправился в Соединенные Штаты директором советской

книжной выставки. И еще до меня дошел слух о том, что Иванько в КГБ считается либералом и чуть ли не борется со сторонниками жесткого курса.

Из эпистолярного наследия Председателя

Заглянем же опять на очередное заседание правления, посмотрим, как разворачиваются события. Вот за столом, держа перед собой двумя руками портфель, стоит Председатель и кивает яйцеобразной своей головой. Но почему у него такой неуверенный вид? О, неужели он в чем-то оправдывается? Оказывается, ему был задан вопрос, почему он самолично написал письмо в прокуратуру, не поставив об этом в известность остальных членов правления. Вопрос, конечно, задан правильно, может быть в данном случае и допущена небольшая ошибка, но он как Председатель обязан был принять самые срочные меры для предотвращения самовольных действий. А сообщил ли Председатель прокуратуре, что квартира, в которую въехал Войнович, была предоставлена ему общим собранием? Нет, он этого не сообщил. Почему? Видите ли, товарищи, дело в том, что собрание, о котором здесь упоминали, оказывается было неправомочно. В нашем доме членов кооператива 132 человека, кворум — 88, а на собрании было всего лишь 79. Ага, а вот на том же собрании была предоставлена квартира дочери писателя Ласкина, которая уже месяц назад получила ордер. Выходит, для нее был кворум, а для Войновича не было? Вот что, дорогой, говорят ему, вам придется забрать ваше письмо из прокуратуры. Нет, отвечает с достоинством. Председатель, он не может этого сделать. Хорошо, говорят ему, мы пощадим ваше самолюбие, но в таком случае вы напишете к вашему письму дополнение, что квартира была предоставлена Войновичу общим собранием. Председатель сопит, но соглашается. Записали в протокол: "Обязать тов. Турганова..."

Тов. Турганов идет домой и исполняет то, к чему его обязали таким образом: **"В дополнение к письму такому-то**

сообщаю, что квартира № 66 была предоставлена Войновичу общим собранием. Но, — пишет он дальше, — как видно из протокола № 13, собрание это было неправомочно, в виду отсутствия на нем кворума. Тем не менее, Войнович продолжает незаконно занимать квартиру 66 и одновременно квартиру 138. Как лицо, ответственное перед Райисполкомом за соблюдение законности, я требую немедленного выселения Войновича и прошу дать соответствующую санкцию”...

Проходит два дня, и снова собирается правление. А потом оно опять соберется и еще раз соберется и еще много раз соберется. Принимают решение направить письмо в райисполком с просьбой завершить это дело как можно быстрее выдачей ордера Войновичу. Согласен ли с текстом письма Председатель? Да, он согласен и готов поставить свою подпись. Письмо перепечатают, несут на подпись, председатель все экземпляры оставляет у себя дома. Что он с ним сделает? Порвет? Что вы, говорят, не посмеет. Написать в прокуратуру посмел. Каждый высказывает свое предположение. Говорят, письмо написано на одном листе бумаги, а подписи — не уместились — на другом. Так вот не приложит ли он эти подписи к новому тексту. Как можно? — говорят, это уже будет чистая уголовщина. Но ведь он и до сих пор, как мы убедились, не отличался излишней щепетильностью в выборе средств. И все-таки напрасно мы подозревали Председателя. 16 мая стало известно, что в райисполком пришло два письма. Одно, уже известное, за подписью всех членов правления, кроме Турганова, другое, прямо противоположного содержания за подписью Председателя.

Грамматика с арифметикой

17 мая председатель райисполкома Богомолов сообщил, что в следующую среду он непременно займется этим вопросом и решит его окончательно. Он лгал. Он решил его накануне. Но не окончательно, потому что это не от него зависело. 16 мая он подписал документ следующего содержания:

”Отказать гр. Войнович Владимиру Николаевичу в предоставлении кв. 6б размером 34,9 кв. м., поскольку жилой площадью обеспечен. Его семья 2 чел. (он, жена) занимают однокомнатную квартиру размером 24,41 кв. м.

Отменить решение общего собрания ЖСК ”Московский писатель” от 11 марта с. г. так как оно неправомерно, поскольку было принято недостаточным количеством голосов членов ЖСК.”

”Дмитрий Дмитриевич!

Ознакомившись с вашим письмом, я был крайне озадачен. Во-первых, что значит ”гр.”? Когда-то так сокращенно обозначали дворянские титулы. ”Гр.” – граф, ”кн.” – князь. Некоторые мои предки были действительно графами. В честь одного из них, первого командующего Черноморским флотом адмирала Марко Ивановича Войновича известная пристань в Севастополе до сих пор носит название Графской. Значит ли ваше ”гр.”, что мне возвращен мой графский титул? В таком случае я прошу вас решить вопрос и о восстановлении моего фамильного герба, который я прибью к дверям квартиры 6б немедленно, как только получу на нее ордер.

Во-вторых, мне кажется, вы немножко не в ладах с русской грамматикой. В противном случае, вы бы знали, что фамилия Войнович склоняется по всем шести падежам, не хуже любой другой. Если вы и дальше не будете склонять подобные фамилии, вас могут принять за иностранца.

В-третьих, меня удручают и ваши познания в области арифметики. Давайте посчитаем. Каждый из двух, упомянутых вами, чел. имеет право на 9 кв. метров площади. $9 \times 2 = 18$. Но вам хорошо известно, что один из двух чел. (я) имеет право на 20 кв. метров дополнительной площади, как член Союза писателей. $18 + 20 = 38$. Так? А если учесть, что второй чел. (моя жена) находится в состоянии беременности третьим чел. (что вам также известно), то нам придется произвести еще одно арифметическое действие: $38 + 9 = 47$ кв. метров. Если мы прибавим сюда еще 3 кв. метра, которые

полагаются на семью, то получим круглое число 50. Вот видите. А вы мне отказываете в 35 метрах, причем не государственной площади, а кооперативной, то есть приобретаемой мною за собственный счет.

Прочтя ваше письмо, Дмитрий Дмитриевич, я подумал, что вы (а) для своего поста недостаточно образованы и (б) либо не знаете наших законов, либо, что еще хуже, сознательно их нарушаете.

В любом случае вы дискредитируете советскую власть, которую на вашей должности вы собой представляете.

Засим остаюсь готовый к услугам
гр. В. Войнович.”

Честно говоря, это письмо я написал, но не отправил. Дело так или иначе шло к завершению и отказ Богомолова был последней попыткой угодить ТАКИМ ЛЮДЯМ, которым я со своей стороны не хотел давать никаких шансов. Письмо я отложил и теперь включаю его в свой труд для оживления сюжета.

Продолжение процесса импичмента

18 мая. Заседание правления, на этот раз без Турганова. Турганов заболел. ”Пусть тот, кто ездил в прокуратуру, — передал он в правление, — справится в поликлинике, действительно ли я болен”.

Слушали: ”О неправильном поведении председателя правления Б. А. Турганова.

Постановили: Предложить тов. Турганову письменно до 22 мая объяснить свои действия. До представления письменных объяснений и их рассмотрения отстранить Б. А. Турганова от обязанностей председателя правления.

Принять к сведению устное заявление С. С. Иванько о выходе его из состава правления и удовлетворить его просьбу...

Чем вам не процесс импичмента? Но он еще не окончен.

21 мая. Турганов выздоровел, пришел в контору и

унес домой протокол правления.

21 мая. Иванько заявил, что он не выходил из правления, а его слова, что он не хочет участвовать в этих дрызгах, касаются только этих конкретных дрызг. Как вам это нравится?

21 мая. Козловский заявил, что и он не выходил из ревизионной комиссии. Уж не ослышались ли мы тогда на собрании?

21 мая. Турганов пишет в правление, что он готов дать отчет в своих действиях, но не к 22 мая, а "в надлежащее время".

25 мая. Двоевластие. Новый председатель назначает на следующий день правление. Турганов рассылает членам правления встречную бумагу: **"По указанию Начальника (с большой буквы, конечно. – В.В.) отдела по руководству за деятельностью ЖСК, ГСК и ДСК Мосгоржилуправления тов. Чекалиной Г. М. заседание Правления, назначенное на 26 мая, откладывается до согласования с нею. О дне заседания будет сообщено дополнительно"**.

25 мая. Ответ правления Турганову: **"Хотим напомнить вам, что согласно уставу ЖСК, кооперативный отдел вправе не утвердить то или иное решение правления или общего собрания, но не может определять дни заседаний правления..."**

25 мая. Исторический разговор. Один из членов правления позвонил уважаемому Сергею Сергеевичу и сообщил, что поскольку тот не вышел из состава правления, он приглашается на завтрашнее заседание. Будет решаться принципиальный вопрос о смещении Турганова с должности председателя. Ах, он не сможет придти, он занят, какая жалость! В таком случае хотелось бы знать его точку зрения. Сергей Сергеевич охотно сообщает, что он против снятия Турганова не имеет никаких возражений. Раз председатель злоупотребил своей властью и доверием коллектива, то он, Сергей Сергеевич Иванько, как коммунист, решительно его осуждает.

Несколько дней спустя дошла до нас новая весть: на заседании какой-то высокой инстанции Иванько в пух и

прах разгромил готовившийся к печати сборник (или двухтомник?) Турганова.

Ничего не скажешь. Друзья познаются в беде.

26 мая. Слушали, постановили: отстранить Б. А. Турганова. Но неужели вы думаете, что этим все кончилось? Как бы не так.

27 мая. Письмо Турганова правлению: **”Поскольку вопреки договоренности с Начальником отдела руководства и контроля за деятельностью ЖСК, ГСК и ДСК Мосгоржилуправления тов. Чекалиной Г. М. об отсрочке заседания Правления, таковое все же проведено в отсутствие представителя Мосгоржилуправления, я вынужден довести об этом до сведения Р е г у л и р у ю щ и х о р г а н о в (разрядка моя. – В.В.), и до получения указаний приступить к сдаче дел Правления не имею права”**.

Дело клонилось к развязке. В один из описываемых дней в моей новой квартире раздался телефонный звонок.

– С вами говорит Бахоров из райисполкома. Вы почему не подчиняетесь нашему указанию? Почему не освобождаете квартиру, в которую самовольно вселились?

– А вы кто такой? – спросил я.

– Я сказал кто я. Сейчас же освободи квартиру, свинья гнусная.

Тут уж я воспринял этот звонок, как Шабашкин письмо Дубровского, то есть звонок этот произвел на меня благоприятное впечатление. Я понял, что дела моих оппонентов плохи.

Вскоре ”регулирующие органы” капитулировали.

– Соберите собрание с кворумом, – сообщили они, – как оно решит, так и будет.

Окончание процесса импичмента

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЖСК ”МОСКОВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ”

Уважаемые товарищи!

Правление ЖСК считает своим долгом уведомить вас, что в Руководстве ЖСК сложилась острая конфликтная

ситуация, при которой управление домом не только затруднительно, но и невозможно. Найти выход из сложившегося чрезвычайного и беспрецедентного положения без Общего собрания — нельзя. Для того, чтобы собрание было полномочным — необходим кворум. Вот почему мы обращаемся к каждому члену ЖСК с настоятельной просьбой присутствовать на Общем собрании в четверг 31 мая в 20 часов в помещении Поликлиники. Убедительно просим вникнуть в серьезность положения и выполнить свой долг в наших общих интересах.

(В случае невозможности Вашего личного присутствия, просим дать доверенность члену семьи, в которой указать, что вы доверяете и выступать, и голосовать за Вас, т.к. без приложения доверенности к протоколу Ваш голос засчитан быть не сможет.)

29 и 30 мая. Женщины-активистки ходят по квартирам, умоляют:

М

— Пожалуйста, не занимайте вечер 31 числа, придите, очень нужно, очень важно. Обязательно.

31 мая. Собрание. 111 человек. Краткий рассказ о деятельности Турганова. Поступило предложение: вывести из состава правления. Принято единогласно. Нет, один воздержался. Он сомневается, можно ли выносить такое решение, не выслушав Турганова. Ему возражают: как мы можем выслушать того, кого нет. Его нет, говорят, но есть его письмо. Читают письмо. Автор письма считает, что собрание не может должным образом разобраться в его действиях. Это может сделать только специальная комиссия, которая в ближайшее время будет создана совместно Союзом писателей и райисполкомом. До тех пор, пока комиссия не оценит его деятельность, он по-прежнему будет считать себя председателем.

— Все ясно, — сказал воздержавшийся. — Я снимаю свои возражения.

Турганова сняли. Кто следующий? Кто-то заикнулся насчет Козловского, мол, раз на прошлом собрании он вышел из ревизионной комиссии, то зачем же его держать? Тем более, что... Выступающему тут же делают знаки, шикают:

не надо больше никого трогать, надо, чтоб все было тихо и гладко, Турганова вывели, теперь все в порядке. Да как же так? Что ж это за порядок, при котором одного жулика выгоняют, а другие остаются? Тут я не выдерживаю, встаю.

— Товарищи, как же так, — говорю. — Дело ведь не только в одном Турганове, Турганов в данном случае старался не только для себя. Раз уж мы здесь собрались, отчего бы нам заодно не вывести из правления того, который...

Мне тоже подмигивают и делают знаки: тише, тише, все в порядке. Ну, и в самом деле все в порядке. Главное сделано — Турганова выгнали, уважаемый четвертую комнату не получил и, наверное, в этом доме уже никогда не получит и даже его членство в правлении ему уже не поможет. Но хотелось бы вывести его на свет и показать собравшимся кто он и что собой представляет.

Тише! Тише! Чш-ш-ш...

Ставится на голосование второй вопрос: о предоставлении Войновичу В. Н. квартиры № 66. Другой кандидатуры будто никогда не бывало. Проголосовали. 110 — за, 1 воздержался. Все прошло тихо и скучно. После собрания кто-то сострил, что пока не разошлись, надо собрать новое собрание, чтобы подтвердить решение этого собрания, которое подтвердило решение предыдущего собрания, которое подтвердило решение еще более предыдущее.

Солнечным днем в середине июля я встретил во дворе нашего управдома. Он подошел ко мне и протянул руку, как равный равному. Я думал, что сейчас он сообщит мне свое воинское звание, партийный стаж и предъявит пенсионную книжку. Поэтому дав ему немного потрясти свою руку, я тут же выдернул ее, намереваясь скрыться немедленно в подворотне, однако сообщение управдома так меня удивило, что я остановился, как вкопанный.

— Ты вот что, — сказал Управдом. — Ты чего ж это паспорта не несешь на прописку?

— Да? — сказал я недоверчиво. — Паспорта?

– Ну, да, паспорта. Твой и жены.

– Значит, на прописку? – спросил я, глядя пытливо в глаза управдома и думая, нет ли за этим какой-то ловушки. Принесешь паспорта, а тебе вместо штампа ”прописан постоянно” тиснут – ”выписан”. (Кстати, однажды это со мною уже случилось. В ЖКО Бауманского ремстройтреста, где я работал когда-то плотником, мне сделали запись ”выписан по выезду в г. Баку”, и потом в милиции мне было нелегко доказать, что я в г. Баку никогда не бывал.)

– Ну да, на прописку, – сказал управдом, начиная сердиться. – Ордер пришел.

Вы представляете, как медленно лифт поднимал меня до шестого этажа? Вы представляете, как быстро я летел с паспортами вниз по лестнице? Однако в конторе я не спешил отдать паспорта управдому и попросил предъявить мне ордер. Я долго вертел в руках этот бесценный документ и увидел запись, сделанную на обратной стороне, что моя семья состоит из одного чел.

– Как же это из одного? – спросил я управдома.

– А что жена уже родила? – спросил он.

– Нет, она пока что не родила. Но и без того, кого она родит, нас пока что два чел. – Для ясности показал ему два пальца и подмигнул.

– Так ты ж пойми, – сказал управдом, – я полко... то есть нет. Ты, как глава семьи – понял? – записан на первой странице. Вот: Войнович Владимир Николаевич. А здесь записаны члены семьи, которых у тебя пока что один. И управдом показал мне один палец.

-- Да?

После некоторых колебаний я все же отдал паспорта и военный билет, из которого управдом узнал, видимо, с некоторым разочарованием, что я всего-навсего рядовой.

25 июля все было кончено. Паспортистка 12 отделения милиции, дважды подышав на штамп ”прописан постоянно”, оттиснула его на паспортах моем и жены.

– Ну как, – спрашивает лифтерша, -- этот-то все еще к вам пристает?

– Да нет, вроде отстал.

— Это ж надо какой! — говорит она чуть ли не с восхищением. — Съездил в Америку, набрался американского духа. Значит, все же отстал. То-то я смотрю, он такой злой ходит. В машину садится злой, из машины выходит злой. И жена ходит злая, ни с кем не разговаривает. Ишь, американцы! Я вот говорю, Владимир Николаевич, это хорошо, что у нас советская власть. Все ж таки можно правды добиться. А если бы не советская власть, так этот бы американец о-о!

Крепка в народе вера в советскую власть... Но не будем преувеличивать заслуги последней в данном конкретном случае. В число основных факторов, способствовавших нашей победе над уважаемым, я бы поставил такие: беременность жены, единодушие коллектива и мое собственное упрямство. Идя на этот конфликт, я смирился с тем, что меня в ближайшее время не будут печатать; я готов был к тому, что будущий министр культуры РСФСР запретит мои пьесы, объявив их антисоветскими, вредными или просто порочными¹; на случай моего выселения я намерен был пригласить иностранных (наши ведь не придут) корреспондентов и, превратив этот скандал в международный, навлечь на себя гнев Комитета госбезопасности² — вот какой ценой я привел эту типичную в общем историю к нетипичному хэппи энду. Боюсь, что не каждый нуждающийся в расширении жилплощади согласился бы подвергнуть себя подобному риску. И если бы всемогущий Иванько встал на пути нашей прекраснородушной лифтерши (а он бы не постестялся), я не убежден, что ее вера в любимую власть осталась бы непоколебленной.

¹Что он вскоре и сделал.

²Без особой натяжки можно сказать, что этот конфликт (в ряду нескольких подобных) обострил мои отношения с руководством Союза писателей и стал вехой на моем пути в гостиницу "Метрополь", где два единомышленника Иванько (а может, и его дружки) от имени КГБ угрожали мне убийством и продемонстрировали один из возможных способов (см. мой отчет об этом увлекательном происшествии в пятом номере *Континента*.)

Эпилог

С тех пор прошло без малого два года. Вскоре после своего поражения наш уважаемый вновь стал появляться на заседаниях правления. Он был опять мил и приветлив, дружелюбно улыбался своим недавним врагам, принимал активное участие в обсуждении наших местных проблем — менять ли канализационные трубы и ставить ли бачки для пищевых отходов на лестничных площадках и, голосуя вместе со всеми за то или иное решение, скромно поднимал всю пятерню, а не один только согнутый палец.

С тех пор как Турганов перестал быть Фигурой районного масштаба, не слышно что-то стало во дворе его зычного голоса.

Вера Ивановна держится скромно, так же, как и супруг ее, китаист Эйдлин. Я не знаю, удалось ли ему издать свой китайский роман, думаю, что удалось, почему бы и нет.

У Козловского в Гослитиздате вышел сборник его каламбуров.

Полковник Емышев от огорчения украл двести казенных рублей, но, пойманный с поличным, вынужден был их вернуть и уйти с работы во избежание более серьезных последствий. Несмотря на убытки, которые он постоянно терпит с 32 года.

Борис Грибанов, как уже указывалось выше, побывал за океаном, где, не знаю насколько успешно, рекламировал нашу литературу.

Мелентьев стал министром культуры РСФСР.

Недолго задержался на прежней должности и наш уважаемый. Перейдя на службу по министерству иностранных дел, он на очередной шестилетний срок отбыл в Соединенные Штаты. Уезжая он, говорят, позвонил нашему новому председателю, попрощался, сказал, что сожалеет о происшедшем, что Турганов втянул его в эту историю и опозорил перед коллективом. (Вот видите, во всем виноват Турганов. Это он дрыгал ножкой нашего уважаемого и его языком говорил: они у меня еще все попляшут.) Теперь уважаемый представляет нашу великую страну в Организации Объеди-

ненных Наций. Не знаю, как именно он это делает. Клеймит ли позором израильскую армию, выступает ли в защиту греческих узников, вскрывает ли агрессивную сущность блока НАТО. Думаю, однако, что у него все же остается немного времени и денег, чтобы пошуровать по манхэттенским магазинам насчет нового оборудования для своего гнездышка. Ведь мы живем в быстро меняющемся мире и, вполне возможно, что прежнее оборудование уже устарело. Может в Манхэттене торгуют уже унитазами новейшей конструкции. Какими? Моей фантазии не хватает, чтобы вообразить, что там на Западе могут придумать. Может, какие-нибудь унитаза стереофонические или такие, которые перерабатывают поглощаемое ими сырье в чистое золото. Там, на Западе, в жажде наживы до чего только не додумаются!

Мы завершаем наш портрет. Его художественное своеобразие состоит в том, что герой предстает одновременно и в виде обнаженной натуры, и в шляпе с прямыми полями, в машине собственной и в машине персональной, в кругу своих покровителей, в кругу клеветов, в кругу семьи и в кругу вещей. Он один во многих лицах. Он одновременно выступает с высокой трибуны и заседает на сессии исполкома, выносит в суде кому-нибудь приговор и пишет в газете подвал по поводу очередного обострения классового боя.

Но вот, странное дело, на словах он борется как раз с тем, к чему сам стремится всеми своими помыслами. Паразит из паразитов, громким голосом, заглушая других, распевает он "но паразиты никогда". Он борется с проявлениями мещанской психологии, но кто мещанин больше него? Он критикует буржуазный образ жизни, делая все для того, чтобы жить именно буржуазно. Он разоблачает низкопоклонство перед заграницей, но сам вцепляется в каждую вещь, на которой налеплена иностранная этикетка. Говорят, что идеология мешает ему стать иным. Если бы так! Это он-то сверяет каждый свой шаг по Марксу? Не слишком ли розовым выйдет портрет? Нет, пожалуй, совсем иным представляется нам образ нашего героя. Маркса он выкинул из головы с тех пор как сдал последний зачет по марксизму, а это было давно. Марксизм ему нужен, как ширма,

которой можно прикрыться. Дайте ему ширму другую, он прикроется ею.

Единственная идеология, которой он поклоняется, — это максимальное удовлетворение личных потребностей, а они у него безграничны и входят в противоречие с возможностями, которые, как бы ни были велики, всегда ограничены. Его практическая деятельность направлена к постоянному расширению этих возможностей. И тут он вовсе никакой не догматик и не ортодокс. Он идет в ногу со временем, мимикрирует и приспосабливается к новым условиям.

Больше того, эти условия он сам создает. И конечно, не нужны ему гласность и всякие там буржуазные, как он их называет, свободы. Разве в условиях гласности смог бы он хотя бы помыслить затеять такую историю? Разве при свободе творчества назвал бы его хоть кто-нибудь писателем? А что бы он делал в своем Комитете при той же свободе? Издавал бы Турганова? Или Козловского? Да весь его Комитет вылетел бы в трубу. Может быть, ему нужен свободный обмен людьми? Зачем? Ведь пока что он только себя предлагает в качестве обменного фонда. А при свободном обмене может поехать кто-то другой. А свободный обмен идеями? У него есть ряд идей насчет того, где бы чего урвать, но они, кажется, обмену не подлежат.

Нет, конечно, есть и другое. И догматическое следование марксизму, и идеологический спор с Китаем, и экономические проблемы и прочее.

Но рассматривая узловые моменты нашей истории, пытаясь найти и объяснить причины больших социальных сдвигов вроде коллективизации, индустриализации, культурной революции, борьбы с уклонами, религиозными предрассудками, троцкизмом, модернизмом, кубизмом, космополитизмом, вейсманизмом, морганизмом, сионизмом и современным ревизионизмом не упускайте из виду скромного труженика с простым незапоминающимся материально заинтересованным лицом. Мягкий, улыбчивый, услужливый, расторопный, готовый оказать вам мелкую услугу, польстить вашему самолюбию, он, присутствует в каждой ячейке нашего общества, вдувая жизнь во все эти сдвиги. И пока вы

намечаете программы великих преобразований, строите воздушные замки, ищете ошибки у Гегеля, вынашиваете строчку стихотворения или пытаетесь рассмотреть в микроскоп X-хромосому, наш скромный труженик своими востренными глазками бдительно следит, нельзя ли под видом борьбы с чуждой идеологией что-нибудь у вас оттяпать: квартиру, жену, корову, изобретение, должность или ученое звание. Постепенно и исподволь накаляет он атмосферу, и вот на скромном лице его вы замечаете уже не улыбку, а волчий оскал.

Перед отъездом из СССР Виктор Некрасов написал письмо о положении в нашей культуре. О том, что многие честные талантливые люди, подвергаясь бессмысленной травле, вынуждены покидать страну, в которой родились, выросли, которой служили, без которой жизни себе не мыслят.

Кому это нужно? — спрашивал Некрасов.

Ну вот возьмите хотя бы нашего героя — Иванько Сергея Сергеевича.

ЕМУ ЭТО НУЖНО!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Прежде чем передать эту книжку издателю, я пустил ее по рукам, чтобы как-то выяснить отношение нашей общественности к затронутым проблемам. Вскоре я получил первое читательское письмо. Хотя обычно письма читателей того или иного сочинения, кажется, не принято печатать рядом с самим сочинением, это письмо я решил включить в свою книгу, ибо оно, на мой взгляд, весьма удачно изображает нашего героя в конкретном деле.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Прочла Вашу *Иванькиаду* и захотелось Вам написать. Я ведь недавно еще и "Чонкина" прочтала. Выбор героя – то Иван (Чонкин), то Иванько, явно указывает на близость Вашего творчества к народным истокам, на умение смотреть в корень дела. Многие проблемы, затронутые в этих двух книгах, волнуют меня. Ну, например, почему труд создал человека из обезьяны, а из лошади не создал? Или вот очень своевременно Вы ставите вопрос – можно ли кастрюлю считать членом Союза Писателей? И отвечаете, по-моему, тоже находчиво: мол, писателем считать кастрюлю нельзя, а членом Союза – можно.

Но я сегодня вязлась за перо не только как благодарная читательница Ваших веселых и остроумных книг. Я пишу Вам потому, что мне посчастливилось замешаться среди персонажей *Иванькиады*. Вы там рассказываете, как к Иванько проходит внучка Чуковского хлопотать по поводу издания *Чукоккалы*. Так вот я и есть та самая, и у меня зачесались руки добавить еще несколько штрихов к монументальному портрету Вашего героя. Добавить мне хочется именно насчет *Чукоккалы*.

Дело в том, что Ваш уважаемый Сергей Сергеевич Иванько сыграл в истории *Чукоккалы* весьма заметную, я рискну даже высказать – решающую роль. Но прежде, чем направить на него наши прожекторы, прежде, чем осветить его в процессе созидательного труда, мне придется отвлечься и рассказать для начала, что такое *Чукоккала*.

Чукоккала – это рукописный альманах Корнея Чуковского. Начат альманах в 1914 г., существовал более полувека. В альманахе участвовали поэты: Анна Ахматова, Александр Блок, Иван Бунин, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Николай Олейников, Борис Пастернак, Владислав Ходасевич, Велимир Хлебников; прозаики: Леонид Андреев, Аркадий Аверченко, Исаак Бабель, Максим Горький, Евгений Замятин, Михаил Зощенко, Юрий Олеша, Борис Пильняк, Михаил Пришвин, Алексей Ремизов, Алексей Толстой, Юрий Тынянов, Евгений Шварц, Вячеслав Шишков. Рисовали художники – Юрий Анненков, Мстислав Добужинский, Борис Григорьев, Илья Репин и Сергей Чехонин. Певцы и артисты тоже

прижили руки к альманаху – Собинов и Шаляпин, Мейерхольд, Евреинов и Качалов. А еще там и *Чукоккале* представлены некоторые знаменитые англичане – есть автограф Оскара Уайльда, подаренный Рональдом Россом (неопубликованный вариант четырех строк "Баллады Рэдингской тюрьмы"), автографы Герберта Уэллса и Конан Дойля.

Я, конечно, далеко не всех участников *Чукоккалы* здесь перечисляю. Я сознательно, например, пропускаю имена тех, кто жив и сейчас и, как говорится, сам может за себя постоять.

Очень трудно в нескольких словах охарактеризовать содержание альманаха. Тут и стихи, и проза, и шаржи, и документы (вырезки из газет, объявления), и шуточные протоколы заседаний Всемирной Литературы и Дома Искусств, и юбилеи, и съезды писателей. "Главная особенность *Чукоккалы* – юмор", – писал К. Чуковский в своем предисловии к предполагаемому изданию книги. Однако, можно назвать и еще одну особенность – в *Чукоккале* запечатлелось время, сгустился воздух той эпохи, когда хаотично и случайно заполнялись ее страницы. Именно это имел ввиду Юрий Олеша, написавший в *Чукоккале* 9 февраля 1930 г.: "...Нужно писать исповеди, а не романы. Важней всех романов – самым высоким произведением тридцатых годов этого столетия будет *Чукоккала*."

Поначалу издание *Чукоккалы* продвигалось успешно. Тогдашний директор издательства "Искусство" И. Севастьянов приехал к Корнею Ивановичу в Переделкино и просил предоставить право на издание этого уникального альманаха его издательству. Для подготовки *Чукоккалы* к изданию были привлечены лучшие работники. Я опускаю здесь имена, но поверьте, что самый квалифицированный в мире фотограф делал негативы (издание должно было быть факсимильным). Почерк Блока и шаржи Чехонина, все это предполагалось воспроизвести в печати с офсетных негативов, над которыми (после многомесячных съемок альманаха) трудились больше года замечательные граверы и ретушеры. Работа была очень кропотливой и трудоемкой – ведь в книгу входило свыше 600 репродукций из альманаха. Корней Чуковский написал комментарий к публикуемым автографам и рисункам, а впереди еще был самый сложный макет книги, работа художника с этим макетом, разные шмуцтителы, а там еще набор текста тремя шрифтами (один – для автографов, другой – для комментария Чуковского, третий – для сносок) – вобщем, не перечислить всех тех рифов, которые удалось счастливо преодолеть, подготавливая к печати альманах.

Приходится признаться, что вся эта работа стоила не только времени и сил, но и прорву денег. По данным из авторитетных источников около 17 тысяч рублей было вложено в будущее издание.

Но вот, наконец, все готово, текст комментария набран, получены чистые листы шестисот репродукций, макет книги склеен и осталось только отпечатать тираж – вот-вот книга выйдет из печати. Это радостное известие сообщила *Литературная газета* (29.3.72 г.),

да и фильм *Чукоккала* частенько мелькал на экранах кино и телевидения.

Но внезапно, на этом ровном пути альманаха возник Ваш уважаемый Сергей Сергеевич Иванько, главный редактор художественной редакции Государственного Комитета по печати, заведующий всей художественной литературой во всех издательствах Советского Союза.

Этот могущественный ценитель литературы потребовал *Чукоккалу* к себе на просмотр.

Описанная Вами в *Иванькиаде* сцена моего визита к Иванько правдиво рисует расстановку сил, однако Вы несколько идеализируете истинное положение вещей. Увы, увы -- мне так и не удалось преодолеть бдительность секретарш Госкомитета и занятость Сергея Сергеевича важнейшими государственными делами. Только во сне могут случаться встречи со столь высокопоставленными особами, как Иванько. А наяву Сергей Сергеевич лишь иногда брал трубку телефона и сообщал мне: да, *Чукоккала* у меня, но читать ее мне решительно некогда и (добавляю от себя, как это ощущалось по его тону) неохота и ни к чему. Так и тянулись мои заискивающие звонки и ленивые отговорки Иванько из месяца в месяц. В издательстве "Искусство" появился новый директор К. Долгов, в типографии пришлось сбросить набор комментария и текста автографов -- истек срок хранения -- а Иванько все тянул, не читал, уезжал, приезжал, заседа, пока однажды...

Было это в двадцатых числах апреля 1973 года.¹ Позвонив ему очередной раз, я услышала нечто новое: "Издавать *Чукоккалу* нельзя, так как в типографии упал потолок и формы разбиты; издание сделано недостаточно факсимильно; я обещал посмотреть книгу, но нет времени".

Сообщение насчет потолка сразило меня наповал -- Вы только подумайте: знаменитые участники альманаха, редакторы, фотографы, художники, граверы, ретушеры, офсетные негативы, годы труда большого коллектива, 17 тысяч рублей -- все погребено под штукатуркой. Я растерялась и почти плакала в телефон. Я умоляла Иванько сообщить мне, что же именно погибло и что уцелело. Мне показалось, что Сергей Сергеевич был тронут моим отчаянием. Во всяком случае он обещал запросить список потерь и сообщить мне о них, если я позвоню ему через две недели. Однако, через две недели списка ему еще не доставили, но он снова сказал, что в типографии случилась беда, пролились какие-то химикалии и издавать *Чукоккалу* поэтому нельзя.

Положив телефонную трубку, я призадумалась. Что за стран-

¹ В эти дни, в разгар борьбы за квартиру, ему, конечно, было не до *Чукоккалы*. (Примечание В. Войновича)

ная типография, -- думала я. Наверно, это какой-то жалкий подвал, где полусгнившие балки подпирают треснувшие потолки и сквозь эти трещины капают разные химикалии. Ужасно, что *Чукоккала* попала в такое место. Но как же издательству "Искусство" удалось уберечь остальные свои издания от всех этих стихийных бедствий? Пытливая мысль вела меня все дальше и в один прекрасный день привела к воротам типографии "Красный пролетарий" -- я постепенно разузнала, что именно там печаталась *Чукоккала*.

Те, кто когда-нибудь перешагивал эти ворота, помнят стальную конструкцию этажей, пролеты лестниц, простор огромных цехов. А те, кто не перешагивал, пусть поверят мне на слово, потому что перешагнуть эти ворота не так-то легко. Мне это удалось не без хитрости. Эдаким волком в овечьей шкуре я просочилась в типографию и так объяснила свой неожиданный визит: вот, у вас тут случилась беда, и я пришла, чтобы вам помочь, сэкономить ваше время, я быстро разберусь, что именно уцелело, мне это все знакомо с детства. Я ожидала, что мои собеседники отзовутся -- да, *Чукоккала*, штукатурка, химикалии. А они смотрели на меня доброжелательно, но с полной безмятежностью и изумлением. И я все плела, что хочу помочь им разобраться, работы не боюсь, могу сидеть днем и ночью, лишь бы дело двинулось быстрее. Наборщики глядели все более настороженно и, наконец, кто-то из них спросил -- в чем, собственно дело, какая беда, зачем сидеть днем и ночью и почему я вообще явилась и отрываю их от работы. И тут я сделала ложный шаг:

– Мне сказали, что у вас упали потолки и повреждены некоторые чукоккальские негативы.

– Кто вам сказал?

– В Комитете по печати.

Мои собеседники мгновенно утратили интерес к сюжету. Да и мне все было уже ясно. Я покинула типографию и больше ни разу ни с чем не обращалась к Вашему герою -- Сергею Сергеевичу Иванько.

Досадно, конечно, что я потратила на звонки к нему столько времени. Лифтерша в Вашем доме гораздо быстрее меня поняла, что это за птица. Она заметила, что он даже сани привез из Америки. А чего можно ожидать от человека, который садится не в свои сани, известно давно.

Здесь следовало бы поставить точку на всей истории с *Чукоккалой*, но *Иванькиада* показала мне, что есть одна инстанция, которую я проморгала в своих хлопотах об альманахе. А между тем -- это единственная инстанция, которой удалось одержать победу над С. С. Иванько и его высокими покровителями. Я имею в виду Общее Собрание Пайщиков Кооператива "Московский писатель".

И ведь я куда только не тыкалась, сколько я о *Чукоккале* хлопотала, -- рассказывать и то долго: писала письма -- Секретарю Союза Писателей, члену Комиссии по лит. наследию К. Чуковского

В. М. Озерову, секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву, председателю Госкомитета по печати Б. Стукалину, звонила В. Туркину, который теперь вместо Иванько в этом же Комитете, ходила в издательство "Искусство" – все как-то не двигается воз. То есть, не то, чтобы дело совсем не двигалось – перечисленные лица и учреждения, конечно, всецело за издание книги. Но все же поймите и меня – через несколько месяцев 11 марта 1976 года исполнится *десять* лет, как подписан договор с издательством и книга сдана в редакцию. Все-таки не шутка – 10 лет напряженного труда, борьбы и дерзаний. Годы уходят, силы слабеют, а чего-то завершающего мне в этом деле не хватает – не то верстки, не то сверки, не то суперобложки, одним словом сама не знаю толком чего именно.

Вот недавно, этим летом, в издательство "Искусство" пришел новый – уже третий – директор (я забыла Вам сказать, что И. Севастьянов и Б. Долгов шагнули на более высокие ступени служебной лестницы). Так вот, пришел новый директор – Б. Вишняков. Недели через две после того, как он приступил к работе, я отправилась к нему на прием. Он, разумеется, тоже за то, чтобы издавать *Чукоккалу*. Но пока, к сожалению, не успел ее прочитать. И потом он сказал мне, почему-то чуть понизив голос, что в будущем году ожидаются трудности с бумагой. Мало будет бумаги. А тут еще типография требует с издательства какой-то штраф за *Чукоккалу*. Но он постарается все уладить и позвонит мне через две недели. И телефон мой записал.

Уже больше двух месяцев прошло с того разговора, а он все не звонит. Наверно, с бумагой совсем плохо.

Когда мой Дед, Корней Чуковский, подарил мне в 1965 году свой альманах *Чукоккала*, он сделал на ее форзатце надпись, которая кончалась словами: "...она (то есть я) может делать с ним, с альманахом, все, что заблагорассудится ей".

И вот мне заблагорассудилось, застряла в голове такая шальная мысль – во что бы то ни стало опубликовать эту книгу на родине ее замечательных участников и ее собирателя и создателя.

Прочла я, Владимир Николаевич, Вашу *Иванькиаду* и у меня возник новый план. А что если я, от имени некоторых участников альманаха – ну, скажем, Маяковского, Репина, Шалапина, Ал. Толстого, Горького (выберу таких, кто для начальства повнушительней) – что, если я от их имени обращусь к Пайщикам Жилищного Кооператива "Московский писатель". За эти годы у меня сложилось впечатление, что жилищные кооперативы и управдомы могут руководить изданием книг на том же уровне, что и Комитет по печати. Я составлю такое примерно заявление в Ваш Жилищный Кооператив:

"От имени многочисленных участников альманаха *Чукоккала* (список участников см. в начале моего письма) прошу взыскать с члена вашего Кооператива С. С. Иванько 17 тысяч рублей, потраченных по его вине впустую на подготовку к изданию *Чукоккалы*. Вышеупомянутый т. Иванько не обеспечил нужного качества потолков

во вверенном ему подсобном помещении. Указанная сумма необходима для оплаты штрафа, наложенного типографией в связи с длительным сроком хранения негативов, а также для компенсации затрат на сброшенный набор текста книги.

Принимая во внимание заслуги участников альманаха перед русской культурой, а также учитывая правительственные награды собирателя альманаха – Лауреата Ленинской премии, почетного доктора литературы Оксфордского университета *honoris causa*, писателя-орденоносца Корнея Чуковского прошу Общее Собрание Пайщиков Жилищного Кооператива "Московский писатель" объявить среди жильцов сбор макулатуры для обеспечения будущего издания *Чукоккалы* бумагой."

Как Вы думаете, Владимир Николаевич, может стоит подать такое заявление? Мне кажется, что если Жилищный Кооператив конструктивно подойдет к выдвинутым мною предложениям, то удастся преодолеть препятствия, лежащие (точнее, сидящие) на пути издания.

Иванько, наверно, за деньгами не постоит, ведь он их много сэкономил, раз не пришлось ломать капитальную стену, покупать Бажовой однокомнатную квартиру, "оборудовать" еще одну комнату и т. д. И макулатура, я думаю, в наше время тоже не проблема.

Дорогой Владимир Николаевич! Простите, что я взваливаю на Ваши плечи эту новую заботу – хлопоты о *Чукоккале* в Правлении Жилищного Кооператива. Но ведь, как известно, победителей не судят. От них ждут новых побед. И может быть, благодаря Вашей *Иванькиаде* многострадальный и долготерпеливый читатель откроет, наконец, в один прекрасный день *Чукоккалу* и прочтет на ее страницах пока неведомые ему стихи и прозу прославленных деятелей нашей бессмертной и хрупкой, вечной и ускользящей русской культуры.

С искренним уважением
Е. Чуковская

24 октября 1975 г.

Владимир Войнович родился 26 сентября 1932 года в г. Душанбе. В шестнадцать лет он окончил ремесленное училище. Работал столяром, слесарем, авиамехаником, железнодорожным рабочим, инструктором Райисполкома, редактором на радио. Из десяти классов средней школы он окончил половину: первый, четвертый, шестой, седьмой и десятый – три последних в вечерней школе рабочей молодежи. Четыре года (1951-55) служил в армии солдатом. Полтора года (1957-59) учился в педагогическом институте на историческом факультете. Двенадцать лет (1962-74) состоял в Союзе писателей СССР.

Первую повесть – “Мы здесь живем” – Войнович опубликовал в 1961 году (*Новый мир*, № 7). Среди его других произведений – повести “Два товарища” и “Владычица”, рассказы “Расстояние в полкилометра” и “Путем взаимной переписки”, и роман *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина* (1975).

